

КИРИЛЛ КЛЕВАНСКИЙ

Сердце
Законца
XIII

ИДДК

Сердце Дракона

Кирилл Клеванский

Сердце Дракона. Книга 12

«ИДДК»

2021

Клеванский К. С.

Сердце Дракона. Книга 12 / К. С. Клеванский — «ИДДК»,
2021 — (Сердце Дракона)

Он пережил войну за трон родного государства. Он сражался с монстрами и врагами, от одного имени которых дрожали души целых поколений. Он прошел сквозь Море Песка, отыскал мифический город и стал свидетелем разрушения осколков древней цивилизации. Теперь же путь привел его в Даанатан, столицу империи, обитель сильнейших воинов. Здесь он искал знания. Силу. Страну бессмертных. Ведь все это ради цели. Цели, достойной того, чтобы тысячи лет о ней пели барды и веками слагали истории за вечерними кострами. И чтобы достигнуть этой цели, он сразится со всем миром. Даже если против него выступит армия – его меч не дрогнет. Даже если император отправит легионы – его шаг не замедлится. Даже если демоны и боги, герои и враги объединятся против него, они не согнут его железной воли. Его зовут Хаджар, и он идет следом за зовом своего драконьего сердца.

Содержание

Глава 1035	5
Глава 1036	8
Глава 1037	11
Глава 1038	14
Глава 1039	17
Глава 1040	20
Глава 1041	23
Глава 1042	26
Глава 1043	29
Глава 1044	32
Глава 1045	35
Глава 1046	38
Глава 1047	41
Глава 1048	44
Глава 1049	47
Глава 1050	50
Глава 1051	53
Глава 1052	56
Глава 1053	59
Глава 1054	62
Глава 1055	65
Глава 1056	68
Глава 1057	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Кирилл Клеванский

Сердце Дракона

Книга 12

Глава 1035

Пролог второй половины цикла

Огромный тронный зал был пуст и чист. Это сочетание внушало одновременно и трепет перед его величием, и тоску перед тем, как безлюдно оказалось место, где некогда гремели пиры и балы, прославившие дворец столицы Ласкана на все семь империй.

Теперь же единственным звуком, раздающимся среди высоких стен, мраморных плит зеркально гладкого пола, колонн, фонтанов и даже маленьких садов в этом прекрасном зале, был звон шпор капитана кавалерийского корпуса.

В черных, покрытых сажей и копотью доспехах, он не просто выглядел грязным пятном в белоснежном помещении, залитом дневным светом, сочащимся через высокие разноцветные витражи. Он им, по сути, и являлся.

Чеканя шаг, капитан шел к белоснежному трону из благородных пород волшебного мрамора. Слева и справа от кавалериста возвышались ряды фонтанов, в которых уже давно не журчала вода. Их не использовали так долго, что многие из придворных начали задаваться вопросом, а включали ли их вообще хоть когда-нибудь.

Сады, по сути клумбы, огороженные от зала таким же белым металлическим забором, некогда изобилующие плодами, теперь были осыпаны лишь прекрасными, но пустыми цветками.

Собственно, как и весь дворец.

После смерти императора Гридида дворец императорского рода выглядел лишь жалким подобием того, чем он был прежде.

Что, впрочем, не умаляло всей его славы, изящества, монументальности и красоты. Сад сатиров, в центре которого находился дворец, ничем не уступал “Запретному городу” Даанатана.

Хотя повтори это кавалерист вслух, не сносить ему головы.

Регент-мать слишком болезненно относилась к любым сравнениям двух империй. Она ведь помнила те времена, когда Дарнас вообще находился на грани исчезновения. Когда для того, чтобы его разорвали остальные шесть стран, не хватило лишь немного усилий.

И по какой-то насмешке судьбы именно в момент наибольшей слабости восточного соседа появился Морган Бесстрашный.

– Проклятый выродок! – часто повторяла регент-мать. – Его отец принял только два умных решения за все свое правление. Засунуть свой отросток в лоно матери этого выродка, а потом спрятать его от нас в секте Лунного Света! Будь неладны эти пацифисты! Будь неладен весь демонов Дарнас!

И это была чистая правда.

В детстве, когда Моргану не было и шести зим, его отца и мать отправили к праотцам нанятые Ласканом убийцы. Ведь случись война за территории восточного соседа, большая часть их отошла бы именно Ласкану, как обладателю не только самой могущественной армии тех времен и тому, у кого с Дарнасом наибольшая протяженность общей границы.

Империи Чавери и Газаргас (императорский род, которой неустанно повторял, что ведет свой род от великого короля древности Газрангана), также имевшие общую границу с Дарнасом, просто не имели хоть сколько-то соотносительной военной мощи.

Что же до оставшихся трех империй, то они были слишком удалены от Дарнаса, чтобы интересоваться им на тот момент.

Теперь же все, кроме Ласкана, поджимали хвосты и испуганно скулили, видя то, какими безудержными темпами растет сила их северного соседа.

– Регент-мать, – глубоко поклонился кавалерист. – Донесение с фронта.

Женщина с белыми как снег волосами сидела на белоснежном троне и гладила точно такого же белокурого мальчишку.

Флаг Ласкана издревле считался одним из самых противоречивых и необычных. Белое полотно, на котором серебристыми нитями было вышито лишь несколько узоров, складывающихся в символ весеннего равноденствия.

Мальчик, игравший оловянными солдатиками у подножия трона, не обращал ровно никакого внимания на происходящее. Трехлетнее дитя было слишком поглощено своей забавой, чтобы отвлекаться на такие незначительные изменения в белоснежном зале, как появление еще пахнущего порохом капитана кавалерии.

“Трехлетний принц, который даже говорить не умеет. – Кавалерист смотрел на мальчишку, сталкивающего двух солдатиков и что-то бормотавшего себе под нос. – Ходят слухи, что Безумный Генерал в этом возрасте уже тренировался так, что оторопь брала даже бывалых вояк баронства Лидус... Ох, мой император, на кого вы нас оставили”.

– Поднимитесь, капитан Секия, – властно взмахнула рукой императрица.

Она была красива.

Пусть все трудности и перипетии последних веков проложили на ее узком, резко очерченном, как у скульптуры, лице глубокие морщины. Пусть в белых волосах появились серые пряди. Пусть пальцы стали узловаты, а узкая талия слегка оплыла. Но она все еще была одной из самых прекрасных женщин семи империй.

– Регент-мать, – повторила она, продолжая трепать волосы сыну. – Когда-то ко мне обращались “моя императрица” или “ваше императорское величество”. Теперь же я просто регент. Которая вскоре отдаст бразды правления своему сыну.

Капитан Секия, будучи не только поверенным правительницы, но и связующим звеном между регентом и начальником службы внешних дел (читай, гнезда шпионов и убийц, состоящих на службе у короны), прекрасно умел сохранять выдержку и каменное лицо в любых ситуациях.

Но в душе, видя беспомощного мальчишку, которому еще даже оружия в руки не дали, он сомневался в пользе такого воспитания.

Это смертные считали, что ребенок в три года может играть с игрушками, неразборчиво мямлить несколько слов, с трудом соединяя их в предложения, и что лишь к семи годам с него можно хоть что-то спросить.

У адептов все обстояло иначе.

Что же до императорского рода...

– Донесение, – Секия протянул запечатанный пергаментный свиток.

Бывшая императрица, ныне регент, взмахнула кистью – и свиток, вылетев из рук кавалериста, оказался в ее собственных ладонях. Она развернула его и вчиталась.

Узкая, бритвенно-острая улыбка исказила ее лицо, сделав и без того глубокие морщины еще отвратнее.

– Морган... мстительный мальчишка... когда ты еще грудь матери лобзал, я уже таких, как ты, водила вокруг каждого из своих пальцев. – Регент убрала свиток в пространственный артефакт. – Отправь донесение, капитан, принц Дарнаса должен войти в Долину Дельфи. Он

обязан закрепиться на нашей мануфактуре, после чего... – улыбка регента, что казалось невозможным, стала еще острее, превратившись почти в оскал хищной птицы, – действуем по плану, капитан Секия. Вскоре мы получим такой рычаг воздействия на Моргана, что все его мелкие интриги перестанут нас волновать.

– Конечно, моя императрица, – поклонился кавалерист.

Регент отвлеклась от созерцания росписи далекого свода. Изогнув правую бровь, она окинула Секию оценивающим взглядом.

– Знаешь, почему спустя столько веков работы тайным агентом короны ты все еще жив, Секия?

– Не могу знать, моя императрица, – не разгибая спины, ответил капитан.

Он знал.

Видят боги и демоны, он знал это лучше, чем кто-либо другой.

– Ты умеешь льстить, Секия... Может, это даже лучшее, что ты научился делать в своей жизни.

И это тоже...

– А теперь, – регент указала в сторону выхода, – отправляйся. Доставь донесение приграничным службам. Флот уже собран, големы тоже. Пусть они не оставят от орочьего отродья ни следа. Я терпела их на границе, но теперь эти звери выполнили свою миссию и позволили Моргану думать, что это он обвел меня вокруг пальца, а не иначе... Больше я в них не нуждаюсь, но... пусть все выглядит так, словно мы не ожидали нападения. И ступай уже – мне надо кормить ребенка.

– Да, регент-мать. – Кавалерист вновь поклонился и, так и находясь в полусогнутом положении, попятился.

Затем, резко развернувшись, он, ускорив шаг, постарался как можно скорее покинуть помещение. Как мужчине, как воину, как человеку, прошедшему многие войны, ему было противно видеть, как мать кормила трехлетнего мальчика – будущего воина – своей грудью.

Секия прекрасно понимал, что, как бы ни закончилась война с Дарнасом, у Ласкана нет будущего...

Что ж, значит, он будет сражаться хотя бы за то настоящее, что осталось у некогда великой империи.

Глава 1036

В деревянной лачуге, пропахшей застарелой мокрой древесиной, собачьей шерстью и чем-то мускусно-приторным, на маленькой софе, заменявшей кровать, лежал мальчик, свернувшись комком под прохудившимся одеялом, сшитым из старого тулупа и каких-то лоскутов.

Губы мальчишки дрожали, он что-то бормотал и морщился. Между бровями пролегла глубокая складка.

Было видно, что ребенку страшно. Страшно настолько сильно, что он, наверное, больше всего в жизни хотел проснуться. Пусть на улице стояла темная полночь, а небо затянули тяжелые зимние тучи. Вьюга заметала снежные лавины, а холод стоял такой, что ставни, заменявшие в доме стекла, промораживало насквозь.

Но, даже несмотря на все это, мальчик хотел бы проснуться. Выбежать на улицу и рухнуть в снег, чтобы мороз и холод заставили его понять, что все, что он увидел, не более чем ночной кошмар.

Но он не мог.

Лишь дрожал, почти скулил, оставаясь в гуще самых жутких видений, которые только может вообразить разум.

– Давай я тебе помогу, маленький храбрец, – прозвучал тихий мягкий голос.

В дальнем конце комнатки, в которой лежал мальчик, еще горела лучина. И свет тлеющего кончика отсеченной щепки вдруг разлился в пространстве ореолом золотого блеска. Он закружился не хуже вьюги, только состоял не из льда и снега, а из света и пламени.

Огонь вскоре стал простым серым плащом со множеством разноцветных заплаток. Свет – лаптями, а потом и холщовыми штанами с льняной рубахой.

Крепкие, но суховатые руки держали такой же простой саморезный посох. Сначала могло показаться, что его сжимал в руках юноша, но затем становилось видно, как на лбу его пролегают морщины. Как, пусть и немного, впали щеки. Как слегка посерела кожа.

И несмотря на то что прекраснейший лик, которым природа могла одарить мужчину, выглядел так, будто человеку не исполнилось и двадцати пяти весен, он нес на себе все признаки приближающейся старости.

В волосах пепельного цвета уже даже появились белые пряди. А в разноцветных глазах – один голубой, а другой карий – что-то помутнело.

Юноша... мужчина... старец – все в одном. Он слегка ударил посохом о пол, и тут же прямо изнутри досок, как по волшебству, пророс стул.

Волшебник, а таковым он и был, как же иначе, сел рядом с завернутым в одеяло комком.

Он провел руками по волосам ребенка, а затем потянулся и поднял лучину. Лишь недавно та пылала ярче факела, но сейчас вновь едва-едва разгоняла мрак вокруг тлеющим угольком чадающей щепки.

Волшебник с разноцветными глазами двумя пальцами сжал алую, дымящую точку. Движение, которым обычно тушат свечу, должно было погрузить комнату во мрак, но этого не произошло.

Вместо того чтобы потушить огонек, волшебник приподнял его над лучиной. Та еще дымила, но больше уже не тлела. Алая искра, покинув кусочек древесины, зависла на кончиках пальцев волшебника.

– Ну, дружище, как-то ты захирел, – улыбнулся странный визитер.

Будто услышав его слова, огонек несколько раз мигнул. И почему-то это выглядело так, словно он понуро опустил голову и даже попятился. С той лишь разницей, что у искры не было ни головы, ни ног, ни эмоций...

Но волшебника это не волновало.

– Будет тебе, – чуть строже произнес он. – Видишь, какое дело, – он указал на мальчика. И огонек, вновь демонстрируя невозможное, словно слегка повернулся к дрожащему от кошмара. – Поможем ему?

И искра засияла чуть ярче. Как надувшийся грудь кабацкий задира, уже засучивший рукава перед жаркой дракой.

– Ну ладно, – засмеялся волшебник. – Я тебя понял.

Он поднялся и поставил посох рядом с собой. Тот должен был упасть, но... так и остался в вертикальном положении.

– За работу.

Волшебник вытянул перед собой руку с искрой и произнес несколько слов. Огонек, который был не больше иголочной головки, вдруг вспыхнул ярким пламенем.

Разом осветив всю комнату, не оставив ни единого клочка для тени, сумрака и уж тем более тьмы, он поднялся до самого потолка. Но не обжег ни досок, ни льняных занавесок, ни руки волшебника.

А тот произнес еще несколько слов. И пламя закрутилось, завертелось, пока не превратилось в синюю реку. Та лентой девушки-танцовщицы взвилась в пространство между полом, потолком и дрожащим от страха ребенком.

Волшебник опустил руку в эту реку. Будь она из воды, он немедленно бы начал тонуть. Даже несмотря на то, что ноги его стояли на полу комнаты, а сама река не превышала шириной трех пальцев, он бы в ней утонул, таково было проклятье, которое ограничивало его суть.

Но река, тоньше лезвия бритвы, но глубиной во многие метры, не имела в себе ни капли воды. Лишь горячее синее пламя. Жидкое, но все такое же ярко пылающее.

Изнутри реки огня волшебник достал еще один маленький клочок света. На этот раз не синего или оранжевого, а белого. Совсем как снег, который, почувствовав жар, испуганно убрался подальше за ставни.

Положив белый огонек на руку, волшебник поднес его к губам и прошептал еще несколько слов. Он сложил ладони колодцем, прикрыл разноцветные глаза – перед ним на ладони появился маленький человечек.

Точная копия дрожащего от страха ребенка, только уменьшенная во сто крат.

– Сердцем твоим будет пламя свечи, – прошептал волшебник. – Маленькое и беззащитное, но способное дарить тепло и уют, а при необходимости сжечь все, чего коснется.

Волшебник взмахнул рукой, и река синего огня сжалась до маленькой иголки. В ней вдруг зазвенел детский смех, сопряженный с журчанием материнского и громом отцовского.

– Кто, как не свеча, знает обо всем, что происходит внутри дома. Мечом твоим будет радость родителя и покой дитяти.

Синяя иголка легла в руки маленького белого человечка.

Затем волшебник, все так же держа лилипута на ладони, наклонился над софой. Он провел свободной ладонью над старым самодельным одеялом.

– Какие хорошие люди, – протянул он.

Одеяло еще помнило прикосновение рук отца, который чинил его каждый раз, когда то, окончательно прохудившееся, рвалось от малейшего прикосновения. Тепло материнских пальцев, заботливо подтыкавших его под дитя, еще не покинуло его краев.

Волшебник взял твердые прикосновения отца и сделал из них доспехи для маленького воина, а из теплоты матери – узор из солнечных лучей, сиявших лучиной во вновь начавшей сгущаться тьме.

– Помоги ему, – прошептал напоследок волшебник и опустил ладонь.

Лилипут, комично отсалютовав, спрыгнул на плечо дрожащему мальчику, а потом нырнул в него, словно в реку.

Сначала ничего не происходило, но потом складка между бровями ребенка выровнялась, губа перестали дергаться, а сам он слегка расслабился и даже перевернулся на другой бок.

Дыхание ребенка выровнялось, и он погрузился в спокойный, сладкий сон.

– Запомни, маленький храбрец, – шептал волшебник, глядя ребенка по волосам. – Все, что тебе нужно, чтобы победить свои страхи, уже есть в тебе самом.

С этими словами он взял в руки посох и безо всякой магии, осторожно открыв дверь горницы, направился на улицу. Туда, в холод и мрак, где его уже ждал тот, кому в такой обстановке жилось лучше всего.

Глава 1037

Они стояли друг напротив друга. Высокий, плечистый демон, завернутый в серый хищный плащ. И в данном случае это вовсе не метафора или игра слов – в прорезях накидки действительно виднелись клыки и глаза.

Демон, принявший человеческий облик, носил широкополую шляпу, скрывавшую его лицо. Видно было лишь алый глаз, сверкавший через разрез. В руках он держал кровоточащую алую сферу, а вокруг ног роились черные комки – чьи-то ночные кошмары.

Сейчас они выглядели злыми и даже расстроенными. Но оно и понятно, этой ночью они не дождались появления своего очередного брата.

– Здравствуй, старый враг, – слегка поклонился демон. – Ты выбрал слишком... неприятный способ, чтобы позвать меня на встречу.

Волшебник, который, несмотря на жуткий холод и выюгу, все так же стоял в своих простых одеждах, лишь прикрыл пепельные волосы с белыми прядями своеобразной седины конусовидной соломенной шляпой.

Развевался за спиной его заплатанный плащ, а к поясу (простой тесемке, подвязавшей штаны) был прикреплен маленький холщовый мешок.

– Эта ночь страшна и без твоих кошмаров, Хельмер. – В голосе волшебника, несмотря на то, что он говорил с самим Хельмером, повелителем ночных кошмаров, древним демоном, эмиссаром самого князя демонов, не было ни тени страха. – Так что я взял на себя смелость немного помочь этому ребенку.

– Никто не вправе мешать моим кошмарам, Эш, – с легким нажимом произнес демон. Алая сфера в его руках вспыхнула кровавым светом, а прорези в плаще хищно зарычали. – Это мое право!

Тени потянулись к ногам волшебника. Холод и мрак сгущались, превращаясь в нечто чужеродное, пугающее и смертельно опасное.

Волшебник, которого называли Эшем, сохраняя спокойствие, лишь легонько ударил посохом о снег. И в ту же секунду тучи, закрывшие небо, лопнули мыльными пузырями.

И вновь это не было ни метафорой, ни игрой слов – тучи, закрывшие звездный свет, действительно лопнули. И их осколки в виде переливающимися всеми цветами радуги мыльных пузырей понеслись по ветру.

Ночное небо тут же засияло россыпью разбитых драгоценных камней. Но звезды на этот раз не мерцали холодно и безучастно. Они вдруг закружились в хороводах, заплясали жаркими танцами. И свет их вытягивался длинными спицами, потоками дождя, потянувшимися к поляне.

Хельмер поднял взгляд и, запахнувшись в плащ, отошел к единственной тени, которая уцелела под натиском звездного света. Кружок тьмы на белом снегу, который создавала его алая сфера, расширился достаточно, чтобы на нем мог уместиться демон.

– Прошу прощения, мудрец, – нехотя поклонился Хельмер. – Я забылся.

Волшебник вновь ударил посохом о снег, и все исчезло. Замерли звезды. Свет втянулся обратно в бездонную Вселенную, а сама она оказалась скрыта тяжелыми облаками.

– Зачем ты позвал меня, Пепел, мастер почти всех Слов? – тоном, полным официоза, произнес демон.

Волшебник, которого называли Пеплом, поднял голову к небу.

– Помнишь, однажды ты явился ко мне. Тогда, у реки, которая уже давно пересохла.

– Пересохла из-за того, что ты убил ее духа, – перебил Хельмер. – Чтобы спасти мальчишку... Мне всегда казалось, Эш, что ты питаешь какую-то слабость к маленьким детям муж-

ского пола... И если бы не тот факт, что ты любил Рейку, я бы подумал, что с тобой что-то не так.

Волшебник промолчал.

Хельмер же, вздохнув и покачав головой, уселся на трон из роя своих ночных кошмаров.

– Не понимаю тебя, мудрец. Тогда, десятки эпох назад, когда я встретил тебя, ты был молод и слаб. Ученик Ху'Чина Синего Пламени, мастер тысячи Слов... первый убийца Ана'Бри... одержимый грехами прошлого, Кровавый Генерал... Ты победил Реккера, спас принцессу, украл ее первый поцелуй и отправился вместе с Рейкой за Великое море, чтобы понять, что лишь приплыл в то место, где сейчас находится Ласкан.

– Я знаю свою историю, Хельмер, – прошептал Пепел. – Так же, как знаю и твою.

– И что с того, что ты ее знаешь? – развел руками демон, при этом алая сфера все так же висела напротив его груди. – Ты знаешь многое, Пепел. Ты пережил всех, кто еще помнил твое время... Одолею того мага, который умел превращать иллюзии в реальность... Ты сильнейший и старейший из бессмертных. С легкостью, стоит лишь пожелать, ты бы мог стать богом и подняться на Седьмое Небо, но... все так же живешь в мире смертных. Я одного не понимаю – зачем?

Волшебник пожал плечами.

– Я люблю, когда звезды светят над моей головой, а не под моими ногами, – уклончиво ответил он, а затем добавил каким-то придурковатым, насмешливым тоном: – К тому же смертные девушки более сговорчивы, чем богини.

– Опомнись, ирод, ты затащил в постель богиню любви вместе с ее дочерью... Одновременно!

– Чести ради, я не знал, что они родственницы.

Спустя мгновение оба – и демон, и волшебник – засмеялись. А потом на поляне вновь повисла тишина.

– Сколько эпох мы уже сражаемся с тобой, Хельмер?

– Много, старый враг. Может, даже слишком много... Иногда я уже сам не понимаю, враждуем мы или дружим.

– Не всех...

– Что? – дернулся Хельмер.

– Ты сказал, что я пережил всех, – повторил волшебник. – Но это не так... Может, я не покидаю мира смертных, потому что единственный, кто остался из моего прошлого, – это ты, Хельмер, повелитель ночных кошмаров. Ты единственный, кто помнит времена, когда я путешествовал с отрядом “Бродячих пней”. Когда мы остановили ваш Парад Демонов.

Хельмер замолчал.

– Мне нравилась Мери, – наконец произнес он. – Единственная из всей вашей братии. Мери Березка, она была горячей дамой. Жаль, я так и не смог ее совратить.

– Ты ее убил.

– Не своими руками, но не буду этого отрицать. Кровь каждого из “Бродячих пней”, так или иначе, на моих руках... кроме твоей, мудрец. Полукровка союза человеческой ведьмы и принца ифритов, огненных фейри. Ты оказался мне не по зубам. Старая Гвелл хорошо тебя спрятала, когда ты был маленьким, а потом...

И вновь повисла тишина. Тяжелая и гнетущая. Завывал ветер, он гнал снег и осыпал плечи говорящих острыми льдинками. Человек, который помнил столь древние времена, что император драконов казался ему несчастным ребенком. И демон, который существовал еще до того, как появился на свет мудрец, узнавший почти все Слова.

– Давай сразимся, Хельмер, – неожиданно произнес волшебник. – Сразимся в последний раз. Без хитростей и уловок. Без трюков и обманов. Сразимся так, как сразились бы, если бы встретились вновь – десятки эпох назад на берегу реки, ночью, когда я убил ее духа.

Хельмер ответил не сразу.

– И зачем мне это? Я знаю, что ты победишь меня, мудрец. Проклятье, ты победишь любого, кроме разве что моего мастера, королевы фейри и Яшмового Императора. Так что зачем мне соглашаться на заведомый проигрыш и смерть?

– Потому что если нет, то я вновь, как и прежде, как сотни раз прежде, остановлю Парад Демонов. И ты вновь останешься ни с чем.

– Сколько твоей душе, мудрец, угодно, – пожал плечами Хельмер. – Посмотри на себя, Эш, ты стареешь. Ты отказываешься стать богом, и потому твоя смертная оболочка постепенно умирает. Твоя душа крепнет. Твоя сила лишь растет. Но, даже если бессмертный не подвластен времени, все мы подчиняемся костлявой леди. Твое тело умирает. Я же вечен. И однажды ты либо станешь богом и больше не сможешь вмешиваться в мои планы, либо умрешь.

– Разве в этом есть честь? Разве есть честь в том, чтобы выждать, пока твой враг умрет?

– Честь, – едва ли не сплюнул Хельмер. – Байка для юных глупцов. Когда ты умрешь, Пепел, я одержу победу. Мне нет смысла сражаться с тобой сейчас, чтобы умереть.

– Если захочу, я проживу еще сотни эпох.

– Хоть тысячи, – пожал плечами Хельмер. – Я проживу дольше. Я проживу вечность... Хотя мы оба знаем, что твои дни сочтены, мудрец. Твоя смерть куда ближе, чем сотни эпох. Она куда ближе, чем жалкая тысяча лет.

Волшебник промолчал...

– Так что я спрошу еще раз – зачем ты позвал меня, мудрец? Зачем нарушил мое право и убил мой кошмар?

И Пепел, что неожиданно, вдруг просто вздохнул и тяжело оперся на свой посох.

– Кто знает... – протянул он. – Может, я просто хотел поговорить со старым врагом... или старым другом... В конце концов, в эту ночь погибнет твой протееж, и, может, я и не доживу до Парада Демонов, но хотя бы в этот раз ты вновь останешься ни с чем.

Хельмер сначала засмеялся, а затем, резко опомнившись, протянул ладонь. На нее запрыгнул комочек ночного кошмара и что-то пропищал на ухо своему хозяину.

– Что ты сделал?! – резко подскочил на ноги Хельмер. – Что ты сделал, маг?!

Демон попытался было нырнуть в тень, но не смог. Снег, на котором он стоял, вдруг вспыхнул белым пламенем.

Исчезла поляна, пропали тучи.

Волшебник и демон стояли посреди бескрайнего мрака, который ударами меча прорезывал свет разноцветных звезд.

– Эта темница, Хельмер, – произнес волшебник. – Она простоит неразрушимой всего одну ночь. Ты пришел в нее по своей воле. Но уйти сможешь лишь тогда, когда падут ее стены. И даже со всей твоей силой тебе ее не разрушить.

– Что ты сделал, проклятый полукровка?!

– Свел двух вестников вместе, – ответил Пепел. – И наверное, подписал собственный смертный приговор.

После этого волшебник шагнул в свет одной из звезд. Разъяренный демон, рыча и сыпля проклятьями, остался стоять в одиночестве посреди темницы, созданной величайшим волшебником из когда-либо живущих.

Тем, кто знал ровно столько же волшебных, истинных Слов, сколько знали королевы фейри, князь демонов и Яшмовый Император.

Он знал их все.

Вернее, почти все.

Лишь одно все так же оставалось сокрытым.

Глава 1038

Аркемейя, спешившись и похлопав по крупу кровавого мустанга, пошла в сторону крепости Сухашим. До нее долетали отголоски битвы, но она решила не подходить ближе, чем на расстояние, на котором ее не смог бы почувствовать Безумный Генерал.

Разбив там импровизированный лагерь, Аркемейя дождалась, пока закончится битва и пройдут дни тризны. Хотя отчасти она остановилась и для того, чтобы разобраться в собственных мыслях.

Впервые в жизни она действительно стала свободной. Сделка, заключенная когда-то в детстве с демоном, была закрыта, и Аркемейя оказалась предоставлена сама себе.

Может, для людей, с рождения живущих хотя бы относительно свободно, это не такое уж и большое испытание, но для Аркемейи... полукровки, в которой смешалась кровь низших демонов и жителей Моря Песка, все произошедшее оказалось значимым поворотом судьбы.

Она нуждалась во времени, чтобы разобраться с собой и понять, куда ей двигаться дальше.

Ну и, разумеется, она не могла обманывать себя в том, что ей хотелось вдохнуть воздух свободы полной грудью. И, даже если опираться не на преувеличенные слухи, а на ее личный опыт, именно рядом с Безумным Генералом, Хаджаром Дарханом, постоянно закручивались вихри ненастий.

А что, как не ненастья, может привлекать внимание адепта, ищущего силы и свободы.

Так что сейчас Аркемейя, спешившись, шла к форту Сухашим и размышляла над тем, что ей сказать Хаджару. В конце концов, расстались они не на самой лучшей ноте. И может, если бы она не угрожала убийством Тому (к которому, кажется, Дархан не питал особо теплых чувств), не шантажировала его и не выманила пять килограммов ресурса не поддающейся исчислению монетами ценности, речь можно было бы и не готовить...

– Так или иначе, – едва слышно шептала Аркемейя, – он мне все еще должен, так что соч...

Девушка остановилась около места, где дорога делала изгиб. Она увидела, как беловолосый мечник, которого, кажется, уже встречала в деревне, встал рядом с Хаджаром. Он что-то ему сказал, а затем Аркемейя уже не то что “не увидела”, а не смогла понять, что произошло.

В свете полной луны беловолосый воин, который говорил механическим голосом и двигался, будто кукла на нитях, вдруг исчез. Исчез, а затем появился вплотную к Хаджару. Его меч оказался прямо в сердце Безумного Генерала.

Тот даже не успел вынуть меч из пространственного артефакта.

– Идиот! – вскрикнула Аркемейя.

Она никогда не понимала привычки Хаджара носить оружие в пространственном артефакте. Любой, даже самый простой стиль владения клинком едва ли не обязывал воина к тому, чтобы иметь оружие под рукой в изначальном состоянии покоя. Множество техник и стоек стилей начинались именно с этого.

Да и из ножен порой меч вытащить быстрее, чем оттуда.

Все эти мысли как-то отстраненно пронеслись в сознании Аркемейи. Сама же она, еще до того, как Хаджар, цепляясь руками за плечи беловолосого мечника, упал окровавленным на землю, бросилась в сумасшедшем по скорости рывке.

Земля выстрелила у нее из-под ног. Две кривых сабли вылетели из ножен, и лиловый свет, соскользнувший с раскинутого в разные стороны оружия, превратился в два огромных крыла пустынного сокола.

Аркемейя двигалась так быстро, что подоспевшие на стену Сухашима воины увидели лишь сорвавшуюся в рывке огромную птицу.

Но до того, как сабли Аркемейи сошлись на спине беловолосого мечника, перед ней возникла стена ревущего пламени. Его жар был настолько высок, а мистерии меча, заключавшиеся в нем, настолько глубоки, что Аркемейя из атакующей позиции пришлось перейти в защитную.

Скрестив перед собой сабли-крылья, она приняла удар белого пламени. То, взревев пастью хищного зверя, прокатилось по блоку Аркемейи. Поток огня впечатал шар лилового света в землю.

Огромная река синего пламени, на фоне которой защита Аркемейя выглядела елочной игрушкой, протасила “добычу” с десятков метров, выплавив при этом борозду глубиной в десять, а шириной в сорок метров.

Когда же потоки огня схлынули, оставив после себя лишь оплавленные края породы и стекающую внутрь борозды лаву, Аркемейя, отряхнувшись, выпрыгнула наружу.

И то, что она увидела, не только удивило ее, но и заставило вновь применить защитную технику.

На земле лежало тело Хаджара. Бездыханное, с едва тлеющей внутри искрой жизни. Безумный Генерал всеми силами цеплялся за эту реальность, но было видно, что пройдет еще несколько мгновений – и он отправится на суд праотцев.

Над ним склонился беловолосый мечник. Он пригвоздил клинком противника к земле, а сам навис над ним коршуном. Снег падал на его широкие плечи, а серые глаза смотрели в открытые, но стекленеющие очи Хаджара.

Аркемейя сделала шаг вперед, и в то же мгновение вдоль мысков ее стоп пронесся разрез белого огня. Слитые воедино мистерии белого пламени и меча были настолько глубоки и мощны, что у полукровки не осталось никаких сомнений – стоящий перед ней противник в силах одним ударом отправить уже саму Аркемейю к праотцам.

– Кто ты такая?! – Она скрестила сабли и отправила крестообразный разрез лилового света в сторону вставшей на пути противницы.

Пронзительное “кья” разнеслось по окрестностям, а крестообразный разрез обернулся парящей хищной птицей с размахом крыльев в несколько метров. Касаясь когтями земли, она вспарывала ее проще, чем ножницы портнихи разрезают ткань.

Широкие крылья порождали эхо такой силы, что, дотягиваясь до стен Сухашима, оно легко оставляло на волшебной породе каменной кладки пусть неглубокие, но длинные царапины.

Параллельно с техникой Аркемейя высвободила “Истинное королевство парной сабли” и на обратном движении отправила в полет еще два рубящих удара, которые, в свою очередь, превратились в огромные клювы, которые летели следом за крыльями птицы лилового света.

Но вся эта мощь, которая заставила обернуться даже орков, находящихся в нескольких километрах от сражения, брызгами разлетелась об одинокий белый меч, выставленный против сокрушающих ударов.

Сначала короткий, плоский клинок одним движением рассек птицу, а затем волны белого огня, разошедшиеся от него, разбили и рубящие удары-клювы.

– Что... – Аркемейя рухнула на колени.

Вся ее сила, ради которой она едва душу не продала Хельмеру, оказалась бесполезна.

– Кто ты... такая? – повторила она.

Но девушка, возникшая из ниоткуда, промолчала. Она была красива. Аркемейя, большую часть жизни прожившая в землях Да’Кхасси, в чьих жилах текла кровь суккубов и инкубов, видела женщин и мужчин такой красоты, что любой художник отдал бы левую руку, чтобы иметь возможность написать хоть самый простенький их портрет.

Но никогда прежде она не встречала девушки такой красоты. Легкой и естественной, идущей не только от внешности, но и от чего-то не видного глазу.

Грациозная и парящая. Живая и будто рожденная для того, чтобы быть такой, какая она есть. Это звучало несколько сумбурно, но Аркемейя не могла подобрать слов, чтобы ее описать даже самой себе.

Тонкая талия. Но не чересчур. А ровно так, чтобы быть идеальной. Такие же груди, скрытые полосками ткани белого платья. Розовая кожа, белые волосы, скрепленные золотой диадемой, обрамляли овальное лицо с изящными скулами, высокими бровями вразлет, аккуратным носом и высоким лбом.

Ее чувственные алые губы были слегка приоткрыты. Цвета мокрого коралла, без примеси какой-либо алхимической приправы. Зеленые глаза в обрамлении темных, длинных ресниц смотрели мягко и даже как-то отстраненно.

Длинные узкие уши выглядывали из-под копны волос.

Сначала Аркемейя подумала, что это представительница народа эльфов, но энергетическая структура говорила об обратном.

– Кто ты такая? – в третий раз повторила Аркемейя.

Девушка промолчала. Ветер, принесший с собой выюгу, качнул серебряное ожерелье, обрамлявшее глубокий, доходящий до живота, вырез на ее платье. Золотой ошейник-воротник блеснул горячим светом.

Так, молча, неизвестная мечница развернулась, подошла к двоим лежавшим на земле и резко вонзила рядом с ними меч. Ревущий поток белого огня, яростным вихрем закручиваясь к небу, стеной закрыл от остального мира два силуэта.

Сама же белокурая мечница, стоило только подуть ветру и принести очередную выюгу, исчезла так же быстро, как и появилась.

Глава 1039

По пустынной улице лишь изредка проезжала машина. Взвизгнув тормозами, она пыталась проскочить в узком повороте. Пока обходилось без жертв как среди стальных коней, так и среди тех, кто из плоти и крови.

Борей (слишком уж ему понравилось, как когда-то давно его “назвали” при выписке из детского дома) курил и смотрел на то, как люди, семенящие по пешеходному переходу, сетовали на то, что зима в городе опять началась внезапно.

Правда, эта внезапность почему-то касалась лишь муниципальных служб. Остальные как-то и не сомневались в том, что под конец декабря в самом северном мегаполисе мира будет снежно.

Хотя, если честно, так получалось не каждый год...

Выдыхая дом, Борей смотрел на то, как серые струйки закручивались спиралью и терялись среди снега и облаков.

Он любил этот город. Любил гранит мостовых и набережных, шпили и купола дворцов. Любил темную реку, рассекавшую мегаполис. Любил мосты, светящиеся ночью не хуже новогодней елки, улицы и проспекты. Архитектуру и атмосферу. Парки и сады.

– Это мой рай? – протянул Борей, опуская сигарету. – Или ад?

Метель ласкала крыши зданий. Ворошила снег на крышах машин, припаркованных у поребрика, и дарила детям радость поиграть в снежки. А на беду прохожим заметала катки, которые сами собой раскатывались на тротуарах.

Правда, в этот ранний час не было ни особо густой толпы прохожих, ни тем более детей. Так что метель, пользуясь случаем, мела в свое удовольствие, и никто не ругал ее за очередной ушиб или того хуже.

– Ты долго бегал от меня.

Хаджар поднял взгляд. Перед ним стояла женщина с черными волосами, черными глазами, красивым лицом. Она была одета в белую шубу-пальто, которая спускалась до черных лакированных ботфорт.

– Мы уже встречались, – говорила она. – Тогда. В озере. Ты должен был умереть, дважды рожденный. Но сбежал от меня... Мне не нравится, когда от меня сбегают.

Хаджар затянулся. Глубоко. Настолько, что защипало в легких. Он выдохнул облачко. Несколько мгновений оно напоминало кольцо, а затем рассеялось едва видимой глазу дымкой.

– Это сон? Или я уже умер?

Женщина подошла еще ближе.

Она чем-то напоминала духа, которого он встретил в оазисе – квинтэссенция черт самых прекрасных женщин, которых он только встречал.

Интересно, от кого у нее волосы цвета ночи, в которой затушили и звезды, и луну?

Сигарета обожгла пальцы. Но Борей все равно затянулся. Опаляя фильтр и кожу, он наслаждался тем, как огонь грызет ее на двадцатиградусном морозе.

Он любил зиму.

Когда-то давно, в больничной палате, это было одним из немногих его развлечений – смотреть, как мороз украшает окна различными узорами.

А затем, уже когда он бродил по миру в образе калеки, зимой ему даже удавалось пообщаться с людьми. Когда шел снег, все спешили плотнее закутаться в одежду, и в таком виде он, укрытый накидками уродец, мог сойти за “своего”.

– Сегодня я заберу то, что по праву всегда принадлежало мне, – женщина сделала шаг.

В ее руках появился меч.

– Значит, пока не умер, – вздохнул Борей и, поднимаясь, метким броском отправил в урну окурков. Он поднял голову и с наслаждением втянул грудью морозный воздух.

Не такой чистый, как там. Загазованный. Пахнущий чем-то едким, пропитанный пластмассой и высококачественной, но простой сталью.

Порой он скучал по этому воздуху.

Женщина рванула вперед. Ее выпад был ничуть не хуже, чем у любого опытного мечника.

Хотя, наверное, сложно не стать опытной, когда неисчислимые эпохи практикуешься во владении мечом.

Он увернулся так же просто, как если бы на него бросилась бешеная собака.

Стоило сделать поправку, что женщина практиковалась с мечом только с противниками, которые вряд ли могли в этот момент пошевелить хотя бы пальцем.

Еще в полете она развернулась и оттолкнулась ботфортами от фонарного столба. Перемахнув через скамейку, скорее всего, еще помнившую времена дворцовых переворотов, она оказалась вплотную к нему. Черный клинок в рубящем ударе опустился на голову Борей.

Тот легко скользнул назад и, разворачиваясь на пятках, подсек ногу противницы, а затем, поднимая корпус, ударил ладонью в центр.

Женщина, согнувшись дугой, пролетела с десятков метров и врезалась спиной в пустой мусорный бак. Оставив на нем вмятину, она поднялась и заняла высокую атаковую стойку.

– Я думал, ты пользуешься косой, – протянул он, спокойно выбивая из пачки Kent очередного ракового солдата. Ловко поймав сигарету губами, усилием воли Борей зажег ее и затянулся.

– Ты плохо знаешь историю, – шипение, раздавшееся из уст прекраснейшей из женщин, сложно было назвать человеческим голосом, – я всегда носила меч.

Поэтично...

Меч, чтобы пробивать доспехи, защищающие душу. А коса... чтобы прорезать путь сквозь заросшие тропинки. Тропинки к той самой душе...

– Я пока не собираюсь уходить с тобой.

– У тебя нет выбора! – Она вновь оттолкнулась. На этот раз уже от мостовой. Скрипнули старинные камни, но выдержали. Так же, как некогда они выдержали падающие с неба бомбы... и поступь смерти.

Что ж, вновь немного поэзии.

Искры упали ему на плечи.

– Что...

Синий Клинок вспыхнул энергией. Мистерии “Герцогства меча синего ветра” развернулись бутоном стального цветка. Они смели снег с крыш, с памятников и статуй. Заставили дрогнуть гранит поребрика и покорежили сталь кованых заборов и решеток.

Машины, недавно запорошенные снегом, теперь лишились белого покрова... так же как и места своей стоянки.

Искры же, упав на синие одежды, соскочили с них и затухли на камне мостовой. Синие одежды с узором плывущих белых облаков, закрывающих звезды, доспехи Зова, сшитые самой королевой Мэб. Повелительницей зимы и тьмы.

В это время года они были, как никогда, прочны и крепки.

– Хаджар Дархан, Северный Ветер, – произнес он твердым голосом. – Я еще помню, как меня зовут, а значит, я пока не в твоей власти, старая.

С этими словами Хаджар, качнувшись в сторону и повернув запястье, отразил удар, а затем направил свой клинок в стремительном секущем взмахе.

Острие Синего Клинка расчертило пространство. За ним протянулась синяя искра, из которой вырвался поток ветра того же цвета.

Ударив прямо в грудь противнице, он заглушил ее полный ярости и отчаяния вопль, после чего рассек не только ее тело, но и реальность.

* * *

Хаджар стоял посреди простой тренировочной площадки. Песок забивался ему в лапти, а ветер трепал старые, поношенные одежды. Качался кожаный ремешок, туго стянувший длинные черные волосы.

– Где я?

Над головой по лазурному небу плыли облака.

– В моих воспоминаниях, – прозвучал чей-то знакомый голос.

Хаджар обернулся. И тут же поднял перед собой меч. Напротив него стоял Белый Клык. Только сейчас он выглядел несколько иначе.

Не было в нем прошлой... искусственности. В глазах появилась осмысленность, движения стали человеческими, а не кукольными, да и говорил он без запинок.

– И что...

– У тебя нет времени на медитацию осмысления. А мне нужна была твоя помощь, чтобы вернуть себе утраченное. Я уже взял с тебя то, что хотел, и теперь честь велит мне отдать то, что тебе причитается.

Хаджар хотел сказать, что ничего не понимает, но, видимо, это и так было написано на его лице.

– У нас с тобой один учитель, Хаджар Дархан, Северный Ветер. И ты, и я, мы оба владеем знаниями, переданными нам Черным Генералом, первым из Дарханов.

– Кто ты, ко всем демонам, такой?

Белый Клык вонзил перед собой меч. Он выпрямился и предстал в образе огромной неприступной горы.

– Меня зовут Эрхард. Последний Король и Первый Император. Я первый ученик Черного Генерала, величайшего мечника в истории безымянного мира. Я Эрхард Дархан.

Глава 1040

Эрхард... Хаджар уже не раз и не два слышал это имя.

Все началось еще несколько лет назад – в Пустошах. Тогда Черный Генерал впервые показал Хаджару прошлое Последнего Короля. Сильнейшего мечника своего времени. Того, кто сумел не только завоевать все сто королевств, но и создать из них одно единое государство.

И все это только своим мечом и волей.

История с таким началом закончилась весьма скоропостижно и даже трагично.

Эрхарда предали.

Как это часто бывает, как бы ни был силен воин, если у него есть слабость, ее обязательно найдут и воспользуются. Для Эрхарда такой слабостью стала воля. Воля его сердца.

Возлюбленную последнего короля использовали против него. Затем предали. И убили.

– Но ты... – Хаджар плохо понимал, что происходит. – Ты должен быть мертв. Тебя пронзили копьем и...

– Копьем? – перебил Эрхард, которого все еще тянуло назвать Белым Клыкком. – Это так запомнили мою битву с собственными советниками? Нет, младший ученик, меня не пронзили копьем. Меня расчленили. На каждую из конечностей наложили заклинание. После чего спрятали в саркофаг из волшебного металла и камня. Сквали волшебными цепями. Замуровали в древней скале. А затем саму скалу спрятали под землей, на глубине лавового озера.

Брови Хаджара по мере рассказа поднимались все выше и выше.

– Что ж, это объясняет твою дерганость и неразборчивую речь, – едва слышно прошептал Хаджар. – Но как ты...

А затем его осенило.

Ответ лежал на поверхности.

Каким образом убитый эпохи назад Последний Король вновь топтал ногами землю безымянного мира? Все элементарно. Просто чуть меньше полугода назад один одержимый местью адепт, получивший силу от бога войны, решил поднять армию мертвых.

Самое печальное, что, несмотря на все попытки Хаджара и его отряда из элитных молодых адептов Даанатана, у Дерека Степного (так звали безумца) получилось осуществить его план.

И вместе с безвольными мертвыми, которые слепо пошли за зовом его некромантии, из недр земли поднялся еще и Последний Король.

– Моя воля была крепка, младший ученик, – Эрхард протянул руку и достал из-за пазухи желтую шелковую ленту. Она никак не вязалась с чрезвычайно мужественным и воинственным образом правителя древности. Но, учитывая, как нежно и бережно он ее держал, как медленно подвязывал ею волосы, собирая их в хвост, становилось понятно, кому именно некогда принадлежала лента. – Кроме того, несмотря на то что моя ступень развития была куда ниже твоей, я мог использовать...

Хаджару показалось, что Эрхард что-то произнес, но он так и не смог разобрать, что именно.

Последний Король задержал взгляд на Хаджаре и слегка покачал головой.

– Непродолжительные воспоминания Белого Клыка подсказывают мне, что воины современности в погоне за дешевой силой забыли об истинном могуществе. Его не получить из Реки Мира. Не создать из энергии. Настоящее могущество идет лишь из тебя самого. Ты не берешь его у мира, ты сам меняешь им мир. Это то, чему обучил меня Черный Генерал, и то, что я должен передать тебе.

Слова Эрхарда звучали для Хаджара более чем просто “знакомо”. Он уже не только не раз слышал подобное, но и постепенно сам понимал, в чем заключалась их глубинная истина.

– Полный анализ, – мысленно приказал Хаджар.

Обрабатываю запрос... Запрос обработан. Состояние носителя: объект находится в критическом состоянии. До полного отключения всех систем и прекращения дееспособности осталось 0 часов 0 минут 0 секунд 6 миллисекунд... Ошибка 07@^#456! Иницирую пересчет... Пересчет закончен. До прекращения дееспособности осталось 16 часов 14 минут 45... 44... 43 секунды.

Воспоминания нахлынули на Хаджара. Он вспомнил, как под светом полной луны Белый Клык, он же Эрхард Дархан, он же Последний Король, объявив дружеский спарринг, а никак не смертельную дуэль, попросту пронзил сердце Хаджара.

– Ты убил меня!

– Если бы я хотел убить тебя, младший ученик, ты был бы уже мертв, – спокойно возразил Эрхард.

Что ж, Хаджару было неприятно это признавать, но Последний Король прав. Имей он на то желание, и Хаджар вряд ли бы смог что-то ему противопоставить.

Проклятье, он не был уверен, что на это способен даже Морган. Возможно, лишь Орун, не скрывая своей истинной силы, смог бы на равных сразиться с Эрхардом.

И это учитывая, что тот являлся “простым” Рыцарем духа начальной стадии. Теперь Хаджар мог это видеть так же ясно и отчетливо, как острый взгляд серых глаз.

– Тогда что, ко всем демонам, это было?

Эрхард вытащил меч из песка и, описав им в воздухе восьмерку, вытянул перед собой, прищурился левый глаз, оценил клинок. Видимо, это не было его “родным” оружием.

– Может, ты и идешь ложным путем заемной силы, младший ученик...

– Хватит называть меня младшим учеником! – перебил Хаджар. – Я тебя не знаю. К тому же ты меня ударил исподтишка!

– Исподтишка? – изогнул бровь Эрхард. – Я напомнил тебе о нашем соглашении. И сделал простейший выпад. То, что ты оказался неспособен от него защититься, не роняет моей чести.

Хаджар только едва слышно выругался.

– Возвращаясь к твоему вопросу, младший ученик, – с нотками издевательства продолжил Последний Король, – то, как любой воин, ты должен знать, что в момент смертельной опасности время воспринимается иначе. Мы воспользуемся этим для того, чтобы ускорить твоё состояние медитации осмысления.

Медитация осмысления... видимо, так Эрхард называл состояние медитации гусеницы и бабочки.

– Анализ, – вновь приказал Хаджар.

Как и прежде, нейросети не требовались детальные уточнения того, какую задачу ей ставил Хаджар.

Обработка запроса... Запрос обработан. Носитель находится в состоянии “Кокон”. Время до выхода из состояния... Ошибка... Ошибка... Ошибка... Заканчиваю обработку запроса.

Хаджар еще раз выругался.

– Я знал портовых девок, младший ученик, они ругались не так красноречиво, как ты.

– Я знал одного беловолосого мечника, старший ученик, – последние слова Хаджар произнес с нескрываемым сарказмом. – Он бы послал тебя в пешее эротическое путешествие.

Эрхард вновь изогнул бровь.

– По борделям я не гулял с того момента, как надел офицерский медальон армии, младший ученик.

– Да что ты заладил со своим “младшим учеником”! Я не имею никакого отношения к твоему учителю. Кроме того, что он собирается сожрать мою душу и занять тело.

– Но все же ты владеешь техникой “Меча четырех ударов”. Я чувствую ее в тебе. Это та же техника, которой меня обучил Черный Генерал. Та же техника, которая завоевала все сто королевств, создав из них вечную империю.

– Вечную? – хмыкнул Хаджар и скрестил руки на груди. – Твоя вечная империя, старший ученик, теперь распалась на семь крупных государств и бесчисленное множество тех, что мельче. Так что не такая уж она и вечная.

Эрхард нахмурился. Кажется, эти слова его задели.

– Мое наследие, младший ученик... то, ради чего я, мои братья и их братья проливали свою кровь... Вы, наши потомки, за сытый ужин и золотые прутья теплой клетки продали его даже не врагам, а... зверям.

– Хозяевам Небес, – поправил Хаджар. – Драконам, которые...

– Лишь простые звери, – перебил Эрхард. – Какими бы мудрыми они тебе ни казались. Как бы человечно ни выглядели, но когда слетит вся шелуха, внутри останется зверь. Зверь может быть другом человеку. Может быть его врагом. Может быть его слугой. Но никогда – господином. Ибо в таком случае сам человек тоже станет им.

– Кем?

– Зверем.

Эрхард развернулся. Он опустил клинок в рубящем ударе, и перед ним в воздухе застыл разрез. Прямо внутри пространства.

Хаджар не знал, реален мир вокруг него или нет, но чувствовал, что то мастерство, с которым Последний Король сделал этот простой взмах, находилось за рамками его понимания.

– Анализ, – в третий раз приказал Хаджар.

Обрабатываю запрос... Запрос обработан. Объект: “Белый Клык / Эрхард Дархан”.
Использование потенциала: 79,57 %.

Что ж... это многое объясняло.

С этими мыслями Хаджар шагнул следом за Эрхардом внутрь пространственного разреза.

Глава 1041

– Проклятье! – воскликнул Хаджар и тут же обнажил Синий Клинок.

– Не думаю, что это хорошая идея, младший ученик.

– Хватит называть меня “младшим учеником”, старый труп! – зарычал Хаджар и сделал шаг назад. – Ты это с самого начала планировал, да? Завести меня в ловушку.

Хаджар стоял на берегу широкой реки. Дул спокойный западный ветер. Молодая красавица-весна входила в свои права и постепенно теснила старую, строгую, статную зиму.

Ледяные глыбы уходили вниз по течению. Уже пели птицы, а в зеленеющей молодой траве распускались первые цветы.

Около самого берега на высоком обрыве стоял подросток. Лет двенадцати, не больше. В руках он держал простой прямой клинок. Пот ручьями стекал по его мускулистому, покрытому шрамами, натруженному телу.

Он бился с тенью.

В этот момент поодаль на небольшой чурке сидела фигура, закутанная в плащ. Седые волосы, сплетенные в косу, опускались едва ли не до пояса. Сухие, морщинистые, старые руки, казалось, с трудом держали нож, но при этом весьма ловко вырезали фигурку.

Хаджар, даже будь он слеп, глух и лишен обоняния, все равно бы узнал эту фигуру.

Рядом с мальчишкой сидел не кто иной, как Черный Генерал. Враг всего сущего. Едва не уничтоживший мир бывший слуга богов.

– Успокойся, младший ученик, – Эрхард положил руку на плечо Хаджару. – Это лишь мои воспоминания...

Хаджар прищурился.

Видят Вечерние Звезды и Высокое Небо, однажды он уже побывал в таком вот “воспоминании”. Оно принадлежало учителю Травесу. И закончилось тем, что неизвестный бессмертный старик, который находился в этих воспоминаниях, кажется, напрямую общался с Хаджаром, с которым их разделяли не только сотни тысяч лет, но и тот факт, что это действительно было лишь “простое” воспоминание.

– Однажды я бывал в воспоминаниях, после которых едва не подвинулся разумом.

– Подвинулся разумом? – переспросил Эрхард. – Демон разума попытался вытащить твой мозг из тела? Ты об этом толкуешь?

Хаджар уже открыл было рот, а затем просто покачал головой. Нельзя было забывать, что Эрхард жил несколько эпох назад. Так что те вольности языка, которые использовали в современном мире, для Последнего Короля звучали совершенно иначе.

– Неважно, – только и ответил Хаджар. – Что мы делаем в твоём воспоминании, Эрхард? Беловолосый мечник вновь нахмурился.

– Когда-то за такое вольное обращение ко мне я рубил и более крепкие шеи... но, учитывая, что ты младший ученик моего учителя, думаю, мы можем говорить как приятели... Что ж, Хаджар, мы здесь для того, чтобы я вернул тебе свой долг и...

– С этого момента поподробнее, – перебил Хаджар. – Я так и не понял, какого демона ты решил меня убить и с чего взял, что что-то мне должен.

– С того и должен, что что-то взял. – Эрхард выглядел спокойным, но в недрах его серых глаз Хаджар увидел огоньки нетерпения. – Будучи Белым Клыком, я жил как во сне. Мной двигали лишь какие-то самые глубинные принципы и эмоции. Инстинкты, если хочешь... носитель звериной крови.

– Вот только давай без ксенофобии. Мой предок-дракон был великим челом... драконом. Так что твое мнение про зверей – оно лишь твое собственное.

Эрхард, чей меч вновь был воткнут в землю, лишь скрестил руки на груди и хмыкнул.

– Гордость предками и защита их чести делают честь и тебе, младший ученик... Что ж, я могу смириться с тем фактом, что в тебе течет кровь тех, кто убил вторую половину меня.

Хаджар дернулся в сторону.

– Но ведь тебя предали твои советники... – И затем его вновь осенило. – Ты взял в советники драконов?!

Эрхард отвел взгляд в сторону. Впервые за все время он не смотрел глаза в глаза.

– Алхимия, – догадался Хаджар. – Техники и знания... они предложили тебе все это.

– Мне нужна была армия, младший ученик... кому, как не тебе, меня понять.

– Я понимаю, – кивнул Хаджар, – и не осуждаю.

Какое-то время они молча наблюдали за тем, как тренировался юноша.

– Из меня плохой учитель, Хаджар, – произнес наконец Эрхард. – Так что я предоставлю эту возможность тому, кто действительно может научить. А теперь слушай внимательно. Не думаю, что мне нужно уточнять, но если ты не справишься с медитацией осмысления, то, прости, мы с тобой оба отправимся к праотцам.

– Почему оба?

– Потому что своим ударом я не только пробил твое сердце, но, чтобы ты раньше времени не ушел к костлявой, связал мое и твое воедино. Останется твое – замрет и мое.

Хаджар прищурился.

– А может, ты это сделал, о великий Последний Король, чтобы забрать себе часть моей, как ты говоришь, медитации осмысления?

Эрхард улыбнулся. Так хищно, как никогда не улыбался ни Хаджар, ни хорошо знакомый Травес.

И вот этот... это создание еще будет что-то говорить о зверях?

– Слушай внимательно, Хаджар. Наш учитель будет говорить.

Хаджар имел свое личное мнение насчет словосочетания “наш учитель”, но решил промолчать. В конце концов, от того, насколько он сможет справиться с очередной невыполнимой задачей, будет зависеть, выживет он или нет.

А как уже Хаджар сказал фантому смерти, к праотцам он пока не собирался.

– Подойди сюда, Эрхард. – Голос Черного Генерала, который сидел к Хаджару и Эрхарду спиной, звучал сухо и старо. Как скрипучий комод, который обещали починить еще десятилетия назад, но на протяжении нескольких поколений забывали хотя бы смазать.

– Да, учитель. – Молодая версия Последнего Короля, взмахнув мечом, орошая траву потом, подошла к своему наставнику.

Черный Генерал, поднявшись с чурки, приблизился к протеже. Он навис над ним... нет, не горой. Скорее высушенным деревом, которое одиноко стояло посреди бескрайней пустыни.

Хаджар прекрасно знал, что на самом деле это был не настоящий “первый из Дарханов”. А лишь один из последних его “живых осколков души”.

Не один из тех фантомов, которые жили в душах людей, а настоящее сознание, получившее плоть и кровь. Нечто вроде клона, если сильно преувеличить и упростить.

– Скажи мне, Эрхард, что ты видишь, когда держишь в руках меч? – Черный Генерал взял из рук мальчишки его простой клинок.

Смертное железо. Никакой магии или энергии. Такими в пору было резать хлеб или мясо, а никак не сражаться. Хотя Хаджар уже видел, на что был способен такой “беспольный кусок металла” в руках Белого Клыка, Эрхарда.

– Я вижу оружие, учитель, – железным тоном ответил юноша. – Оружие, которым я смогу отомстить за мать и отца. И вернуть себе трон, который принадлежит мне по праву.

Хаджар вздрогнул.

Слова, которые произнес мальчик, резонировали внутри его души и эхом бились о стенки сознания.

Глупо было полагать, что его история хоть чем-то уникальна... В мире, где правили лишь сила и те, кто эту силу имел, детей, которые мечтали добиться справедливости по отношению к погибшим родителям, было столько же, сколько брызг на гребешках волн реки, уносящей к водопаду толстые льдины.

– И именно поэтому ты не сможешь достичь истинного мастерства. – Черный Генерал, сухой и немощный старик, поднял перед собой меч. – Когда ты держишь в руках меч, ты сжимаешь свою судьбу. – Он провел острием по воздуху. – Когда ты держишь в руках меч, ты направляешь свой путь. – Затем плавно будто убрал его в ножны. – Меч – лишь отражение того, что ты можешь в него вложить, Эрхард. Так скажи мне, что ты в него вложишь?

Одновременно с этими словами на расстоянии в десять километров вдруг затрещал высокий горный пик. А затем с грохотом соскользнул вниз. И гора, которая раньше пронзала облака, оказалась рассечена на две части.

И при этом Хаджар не ощутил никакого волнения в потоках Реки Мира.

Черный Генерал рассек гору без всяких мистерий или энергий.

Он сделал это простым взмахом меча.

– Проклятье...

Глава 1042

– И что это должно значить?

Хаджар и Эрхард вновь стояли на песке простой тренировочной площадки. Исчезла река, пропал силуэт Черного Генерала и молодой копии Последнего Короля.

– Это был самый важный урок, который я получил от моего учителя. – Эрхард стоял напротив. Высокий, плечистый, грозный воин из прошлого. Фигура которого до сих пор служила страшилкой в одних историях и символом героизма в других. – И ты либо поймешь его глубину, либо мы оба умрем.

– И как же, ко всем демонам, я должен понять слова Черного Генерала, если в данный момент лежу в грязи с твоим проклятым мечом в своем сердце?

– Успокой свою душу, Хаджар Дархан, – глаза Эрхарда сверкнули сталью. – Воину не престало барахтаться, как рыбе в сетях. Твой разум должен быть трезв и холоден. Сердце – горячо, тело, как вулкан, должно мерно дышать, невзирая ни на что. Руки – крепки. Глаза – зорки. Ты сейчас в этом мире. Иллюзия или нет, это неважно. Перед тобой, воином, стоит враг, твое нежелание видеть истину. Одолей своего врага. Одержжи победу. Таков путь воина. Все остальное, кроме твоей битвы и твоей победы, лишь пыль, пристающая к ногам. Отринь ее.

Хаджар вздохнул.

Все это он уже слышал.

Слышал от тех, кто уже умер, и чаще был убит.

– Ты заблуждаешься, Эрхард. – Хаджар опустился на песок тренировочной площадки и сел в позу лотоса. – Но я не Эйнен, чтобы философствовать.

Эрхард смотрел на Хаджара, погружившегося в глубокую медитацию.

Интересно, понимал ли юный воин, столь яростно ненавидящий их учителя, насколько они были похожи? Хаджар и первый из Дарханов?

Эрхарду казалось, что он говорит не с живым человеком, а с тенью своего наставника...

* * *

В мире, где не было ни единого препятствия взору, летящему над океаном колышущейся в такт потокам ветра травы, облокотившись на камень, наблюдая за чистящей перья птиц в кроне единственного невысокого дерева, сидел мужчина.

Средних лет, с седыми волосами и морщинами на пока еще молодом, но уже увядающем лице. Было видно, что во времена расцвета сил этот человек был силен и могуч.

Сейчас же он постепенно клонился к своему закату. Но там, где была голая и необузданная сила, первобытная ярость, теперь затаилось что-то иное. Что-то, пришедшее на смену даже разуму. Куда более глубокое, чем чистый, ясный ум.

Черный Генерал, сидя в своей темнице внутри чужой души, смотрел на то, как редкие облака плывут по небу.

– Кто ты такой? – прозвучал старый сухой голос.

Дархан посмотрел на подножие холма. Там стоял старик, завернутый в черный плащ, опирающийся на посох, выточенный из смертной породы древесины. Седые волосы были стянуты в косу, казалось, стоит подуть ветру – и он развалится на части.

– Так вот, значит, как бы я выглядел, – протянул Дархан и вновь повернулся к созерцанию облаков.

Старик с трудом, кряхтя и стелая, поднялся на холм.

– Ты кажешься мне знакомым, – протянул он, а затем отшатнулся в сторону. – Ты – это я.

– В каком-то смысле, – не стал отрицать Дархан.

– Но ты должен быть молод... Почему же ты так стар? Вечность... ты ведь старше меня...

– Старше, – вновь согласился Дархан.

Осколки, которые разлетелись по миру, были, как бы это странно ни звучало, разного возраста. В конце концов, они состояли из чистой эссенции разума, заточенного на Горе Черепов древнего мечника.

Иными словами, его воспоминания. В каких-то их было меньше, и они оставались молоды. В других больше – они оказывались старше.

Тот, кто сейчас сидел перед стариком, помнил момент рождения первого из Дарханов. Он являлся старейшим из них, но потому должен был оказаться самым молодым.

Этот парадокс рождался из-за того, что осколок души Дархана не мог хранить все его воспоминания. Лишь часть. Большую или меньшую, но часть.

– Как так случилось? – спросил старик. – Почему в тебе так много... сути? Ты должен помнить наше рождение и путь, но не более того... в тебе же сути на тысячи тысяч лет...

Дархан промолчал.

Чем общаться с юнцом, стоявшим перед ним, он лучше будет любоваться плывущими по небу облаками. Они напоминали ему о старых днях.

Днях, когда его вечная жизнь имела смысл...

Интересно, если бы они сошлись с Яшмовым Императором в честном поединке, а не в той битве Седьмого Неба эпохи назад, что бы из этого вышло?

Когда сражаются двое неспособных умереть, их битва будет бесконечна? Или произойдет как в детских счетах, и минус, положенный на минус, даст плюс, и два единственно бессмертных создания в безымянном мире смогут принести друг другу смерть?

Увы, он так и не смог этого проверить.

Дархан отправился на битву с целым миром, но тот его одолел.

Запер на горе.

– Ты поглотил его... – догадался старик... или юнец... – Поглотил осколок, который я... мы... он... поместил в тренировочный артефакт.

– Тренировочный... – протянул Дархан. Он поджал правую ногу и положил на нее локоть расслабленной руки. Второй отправил в рот травинку и с наслаждением вытянул левую ногу. Так и сидел, продолжая созерцать облака. – Он искал рабов, чтобы освободить себя с горы. Это сложно назвать тренировкой...

– Он искал? Ты искал... я искал... мы искали...

Дархан промолчал.

Он вспомнил ее волосы. Черные и густые. Цвета безлунной ночи. Они пахли цветами и ягодами. Пахли как первый сладкий полевой аромат по ранней весне. Пахли как утреннее пробуждение с мирно сопящей в объятиях возлюбленной. Пахли как морозное утро после празднования начала нового цикла смены сезонов. Пахли как первая мягкая игрушка, с которой не расставался маленький ребенок.

Они пахли...

Он долго жил и много видел. И мог бы придумать еще десять тысяч метафор и сравнений, описывающих, как пахли ее волосы. Но даже самые красивые слова, самые пышные эпитеты не смогли бы воскресить этого аромата.

Ибо они пахли так, как только лишь они могли пахнуть.

– Ты размяк? – прищурился старик. – Ты...

Он недоговорил.

Дархан даже пальцем не пошевелил, а старик рассыпался на тысячи черных песчинок. Они, взлетев на потоках ветра, втянулись в черный плащ, который окутал Черного Генерала, и сделали его чуть длиннее.

– Пепел... – прошептал Дархан, смотря на то, как черные песчинки втягиваются в его плащ. – Цепи, которые ты создал, все еще держат меня... его... нас... на этой горе. Но принесло ли тебе это счастье, мастер ста тысяч Слов? Тот, кто не был рожден, волшебник из детских сказок. Вернуло ли это твою возлюбленную? Стал ли ты богом? Остался ли среди смертных? Последний из тех, с кем я был истинно рад сойтись в битве... Я чувствую, что час нашей встречи близится... Надеюсь, ты готов к смерти.

* * *

– Но я хочу леденец! – маленький мальчик тянул мать за подол ее платья. – Зачем нам цветок, мама?! Давай лучше купим леденец!

Молодая девушка, бывшая матерью ребенка, не сводила взгляда с торговца цветами. Прекрасный юноша с разноцветными глазами стоял посреди городской площади и кричал:

– Подходи, выбирай! Любой цветок за пяток! Сдачи не даю, поцелуй в оплату не беру! Подходи, выбирай, цветы с собой забирай!

Люди, в основном, конечно же, девушки и женщины, подходили к торговцу, а тот продавал им букеты из своего огромного мешка. Один краше другого.

Когда подошла очередь матери с ребенком, мальчик вдруг увидел, как торговец протягивает ему красный цветок.

– Не нужен мне твой дурацкий цветок! – надулся отвернувшийся ребенок.

– А ты присмотришь, – вдруг прошептал торговец.

Мальчик повернулся. Цветок, который торговец медленно поворачивал в пальцах, так же медленно превращался в сладкий, сочный сахарный леденец.

Ребенок схватил его и тут же убрал за щеку.

– Фафифо, – прочавкал он и, вцепившись в материнский подол, вскоре исчез в толпе.

Торговец же, выпрямившись, посмотрел далеко на север. Оттуда дул ветер.

Северный ветер.

Жестокий и холодный.

Несущий в себе лишь смерть и одиночество.

Торговец поежился.

Впервые за многие годы ему стало холодно.

– Я буду ждать тебя, – прошептал он, а затем широко улыбнулся и вновь повернулся к толпе. – Пришло время фокусов! Но спешу вас огорчить, я не фокусник, а великий волшебник! Так что в этот раз в оплату беру не монету, а поцелуй! Если среди вас есть принцессы – оплату принимаю вдвойне!

Народ засмеялся, и представление началось.

Глава 1043

Аркемейя упала на землю, ее правая рука была обожжена по локоть, а по лицу стекали кровавые струйки. Одежды, которые она купила в Курхадане, превратились в рваное тряпье. На обнаженном животе и бедрах чернели страшные пятна.

На саблях, отличного качества артефактах Императорского уровня, появились трещины и зазубрины.

Но, сколько бы она ни билась со стеной синего пламени, которая окружала беловолосого мечника, так и не могла сквозь нее пробиться. Земля вокруг уже давно превратилась в пепелище после артиллерийского залпа военно-воздушного флота.

Вскопанная, разбитая, местами оплавленная и черная, как от копоти или сажи.

Лучшие, сильнейшие техники Аркемейи, сплав человеческого и демонического пути развития, не смогли не то что пробиться, а даже ослабить стену огня, созданную неизвестной мечницей.

– На, выпей, – рядом с правым ухом Аркемейи что-то бултыхнулось.

Она повернулась и увидела, как рядом с ней стоял, вернее качался Том. Тот самый адепт, который пытался ее заболтать у входа в рудник и которого она взяла в плен.

– Тебе настолько плевать на Хаджара? – спросила она.

Том, задумавшись, показал маленькое расстояние между большим и указательным пальцем.

– Настолько плевать?

– Нет, – покачал он головой и сделал несколько крупных глотков из горлянки. – Настолько не плевать.

– Он ради тебя отдал пять килограммов бесценного ресурса!

– И насколько он был бесценен? – прищурился Том.

– Настолько, что даже императорский род Дарнаса, продай он все свое имущество, не смог бы себе позволить и сотую часть этого объема.

– Ничего себе, – присвистнул Том и сделал еще глоток. – Тогда беру свои слова назад – Дархан не идиот... а полный кретин. Иначе и не скажешь.

– Да как ты...

– Скажи мне, Аркемейя, – перебил Том. Он все еще свободной рукой протягивал ей копию своей горлянки. – Хаджар сейчас в смертельной опасности?

– Безусловно!

– На грани смерти?

– Он уже почти на пороге дома праотцев!

– Тогда нам точно не о чем беспокоиться.

Аркемейя, будто выброшенная на берег рыба, молча открывала и закрывала рот.

– Успокойся, красавица, – пожал плечами Том. – Насколько я видел, его продырявил Белый Клык... Не хочу тебя разочаровывать, но я видел, как Хаджар перечил главам семи великих кланов Дарнаса. Видел, как он прыгал в пасти чудовищным монстрам. Как обхитрил древнюю ледяную ведьму. А уж из историй про него и не такого наслушаешься.

– Любой удаче есть предел.

– Разумеется, – согласился Том. – Но когда дело касается Хаджара... в общем, если он находится при смерти в какой-нибудь глубокой заднице, то вылезает из нее не с запахом дерьма, а при звонкой монете. Знаешь, иногда даже обидно становится.

– Он может умереть!

– Может, – вновь не стал спорить Том. – Но, видишь ли, я хорошо знаю историю. Аристократическое образование как-никак. И такие люди, как Хаджар Дархан... Смерть на обочине

империи, в грязи и пыли, от руки какого-то Белого Клыка... Нет, такие люди уходят иначе. Уходят так, что об этом еще сотни эпох поют песни. Так что выпей и успокойся. Эту стену тебе все равно не пробить, да и незачем. Тот, кто ее ставил, явно ничуть не слабее Белого Клыка. И к тому же он... ну, то есть она явно озаботилась тем, чтобы никто не потревожил этих голубков.

Аркемейя вдруг поняла, что не только она видела беловолосую мечницу.

– Ты ее видел, – она не спрашивала, а утверждала.

– Видел, – кивнул Том, – и знаешь, что-то мне в ней показалось знакомым... Хотя, наверное, чересчур много. – Он покачал горлянкой, в которой плескалось что-то слишком густое, чтобы быть простой водой. – Так или иначе, она точно знает Хаджара. И если бы хотела, легко бы его добила. Но вместо этого оставила своего рода защиту. Одно это уже говорит о том, что ему ничего не угрожает...

– Ничего?!

– Ну, ничего сверх того, что угрожает нам всем, а таким людям, как он, в двойном объеме. Так что вместо того, чтобы сотрясать воздух и пытаться пробить непробиваемое, лучше выпей. – Том внезапно окинул девушку оценивающим взглядом. – Хотя, если хочешь, можешь еще немного попрыгать в пламя. Глядишь, одежду до конца и спалит.

Аркемейя вытянула саблю, и та уткнулась острием под кадык Тому. Несмотря на то что в прошлый раз около спуска на рудник после подобного жеста тот едва штаны не испачкал, сейчас он выглядел совершенно спокойным.

– Ты притворился?

– Ты бы меня в любом случае не убила, – развел руками бывший аристократ. – К чему тебе это? Ты явно не хочешь портить отношения с нашим общим знакомым. Это прекрасно понимали и я, и ты, и он сам. Так что мы все там притворялись.

Аркемейя выругалась. Потом подумала и выругалась еще раз, но уже куда грязнее.

– Хорошо сказала, – улыбнулся Том и вновь протянул горлянку.

Аркемейя приняла емкость, зубами вырвала пробку и сделала первый глоток. Горячая, почти раскаленная жидкость обожгла горло, а затем порохом взорвалась в желудке.

Прокашлявшись, девушка сделала еще несколько глотков.

– Уважаю, – хмыкнул Том.

Аркемейя посмотрела на него. Высокий, статный аристократ со слегка печальным, задумчивым взглядом. Проклятье... наверное, в Сухашиме большинство девушек в ночных грезах видят именно этого молодого воина.

– Ты не так глуп, как кажешься.

– Все мы кем-то кажемся, Аркемейя из Курхадана. – Том приподнял горлянку так, словно провозгласил тост. – Каждый из нас в душе кто-то другой, не тот, кого мы показываем на публике и...

– Хватит со своей философией, сопляк, – процедила Аркемейя. – И без нее тошно.

Том только засмеялся.

– У вас с варваром явно много общего... – А затем неожиданно выпалил: – Может, переспим, пока его жде...

Оставшийся звук слова вернулся в глотку Тома раньше, чем он успел его выдать. Причем вернулся посредством мощного удара кулаком Аркемейи.

Том, пролетев спиной несколько метров, приземлился в мокрую, вязкую и горячую грязь. Ему на лицо падал белый снег.

– Еще раз позволишь себе подобное, – прошипела стоявшая поодаль Аркемейя, – отправлю к праотцам!

– Праотцы... – протянул Том. – Интересно, а есть ли они у меня теперь? Интересно даже... так что, если хочешь, не сдерживайся.

Том отодвинул край одежд и обнажил грудь.

– Только бей наверняка, – произнес он, заливая в горло остатки содержимого горлянки. – Боль не люблю.

Аркемейя посмотрела на него и отошла в сторону. Она уже видела подобный взгляд. Он не предвещал ничего хорошего ни смотрящему, ни тому, на кого он был направлен.

Том продолжал лежать в вязкой грязи. Он смотрел на залитое серебром ночное зимнее небо. Падал снег.

Забавное совпадение.

Этой ночью у его сестры должен был родиться ребенок – его племянник. Вот только теперь это уже была не его сестра... у него не было никакого племянника или племянницы.

Том остался совершенно один...

Дул северный ветер.

Том завидовал оркам... Но кто знает, может, вскоре он получит то, ради чего пошел следом за Хаджаром...

* * *

Сидя в позе лотоса, Хаджар не погрузился внутрь своей души. Наоборот, он устремлялся куда-то в обратном направлении. Все дальше и дальше от самого себя. От этого иллюзорного мира. Затем от реального, а потом, оказавшись над Рекой Мира, Хаджар впервые посмотрел не вглубь бесконечного потока энергии, а... вверх.

Глава 1044

Там не было ничего. Только чернеющая пропасть бесконечной, бездонной пустоты. Хотя даже сама пустота подразумевала наличие этой самой пустоты, там же, над Рекой Мира, не было ровным счетом ничего. Даже пустоты.

Ни голодной бездны.

Ни холодных пустот мрака Вселенной, заполнявших все, до чего не могли дотянуться воспоминания об умерших звездах, проливающих на черный бархат ночного неба разноцветным светом.

Ничего.

Всепоглощающее. Настолько голодное, что даже поглощающее себя. Но только, в отличие от Уробороса, не имеющее ни тела, ни головы, ни хвоста.

Хаджар видел смерть. За свои почти сорок лет, проведенных в этом безмянном мире, он видел ее тысячи раз. Иногда так близко, что та принимала облик прекрасной девушки, внутри которой таилась костлявая, старая тень.

Так вот, даже смерти там не было.

Может, из-за этого человеку стоило почувствовать себя одиноким... Таким, который, возвращаясь после тяжелого рабочего дня, всеми силами ищет хоть какой-то повод задержаться и не заходить в пустую, холодную квартиру, где нет даже кота или собаки, верно ждущих его с самого утра.

Человек петляет, выдумывает себе какие-то несуществующие дела, а затем все равно возвращается в эту пустоту камеры из четырех стен. В холодном полусумраке пропищит микроволновка, а затем какой-то бред польется из динамиков столь же холодного света телевизора.

Комедия или трагедия, человеку неважно.

Он включает телевизор вовсе не для того, чтобы насладиться происходящим, а просто чтобы не было так одиноко.

Так вот, даже этого одиночества, пустоты, с которой с рождения борется каждый из людей, – даже ее там не было.

Хаджар поднимался все выше и выше. Река Мира оставалась внизу. Сначала она выглядела широкой лентой, затем нитью, а теперь – мерцающим стеклянным осколком игрушки.

Хаджар оказался посреди пустоты. Бесконечной и вечной.

И это не было метафорой или пустой игрой слов.

Здесь действительно не было ничего.

Впервые в жизни, за все годы лишений и страданий, за тысячи битв, самых кровавых и безумных, сердце Хаджара пропустило удар. Но не от волнения, нетерпения или азарта, а от страха.

– Что... это... – с удивлением прошептал Хаджар.

Нечто ледяное сжало его сердце. Заставило его дрогнуть и, замерев, нерешительно продолжить свой путь. Что-то потянуло внизу живота, а в желудке появилось то же, что и вокруг, – пустота.

Глубокая складка пролегла между бровями Хаджара.

Он не знал, падал ли он или поднимался, но, выпрямившись, внезапно замер.

Один посреди бесконечного ничто.

Меньше чем точка света во мраке, незаметнее атома на пике высочайшей горы.

Один на один с ничем.

Он обнажил свой меч.

Выставил его перед собой.

Клинок дрожал от страха. Страх перед пустотой абсолютного забвения, в котором нет ни направлений, ни ориентиров.

Хаджар прикрыл глаза.

Он вспомнил, как закружились потоки ветра. Теплый и ласковый с юга, влажный и свистящий с востока, сухой и резкий с запада и, будто твердый и несгибаемый, холодный северный.

Незримые для глаза, почти неощутимые, он смог создать из них цветок для маленькой девочки. Лита...

Он вспомнил, как из того же ветра сделал яркие шарики света в подземной гробнице-темнице своего далекого предка. Предка, который отдал бы свою душу, чтобы уничтожить потомка.

Душа...

Душа и разум...

Незримое и зримое...

Хаджар еще раз оглянулся.

Вокруг него ничего не было. Абсолютно ничего.

Ничего из того, что он мог бы увидеть глазами.

– Меня зовут Хаджар Дархан, – медленно, по слогам произнес Хаджар. Его голос исчезал внутри пустоты. Пожирался ею так быстро, что звуки стихали, не успев покинуть губ. – И в этом мире нет ничего, что могло бы заставить меня трястись от ужаса.

И в этот момент, перед лицом бесконечного ничто, Хаджар сделал “шаг вперед”. Прыжок веры, если говорить поэтично.

Хаджар закрыл глаза.

* * *

Дул ветер. Он качал высокую траву, тянущуюся к бескрайнему лазурному небу. По нему плыли пушистые, белые кучевые облака. Рядом с Хаджаром возвышался холм. Единственное, что нарушало гладь изумрудного травяного моря.

На нем в кронах невысокого дерева спала птица Кецаль.

Дух Хаджара.

Единственный камень смотрел острием, похожим на драконий клык, на все то же небо.

Спиной же к нему прислонился закутанный в изорванный черный плащ, как сначала показалось Хаджару, старик. Присмотревшись, он понял, что это был уже стареющий, но некогда пышущий жизнью и силой мужчина.

В его белых волосах появились пепельные пряди, а когда-то яркие радужки теперь слегка потускнели. Но все же в них было нечто такое, что заставило Хаджара открыть глаза.

* * *

Он вновь оказался посреди бесконечного ничто. Внизу единственным ориентиром, игольной головкой мерцала Река Мира. Некогда настолько большая, что казалась шире и глубже Вселенной.

Хаджар несколько раз вздохнул, крепче сжал меч и снова закрыл глаза.

* * *

Он вновь стоял посреди травяного моря.

Внутри собственной души.

– Ее сложно увидеть, когда смотришь глазами. – Голос у первого из Дарханов тоже изменился. Он стал глубже, суше и как-то... спокойнее, что ли.

– О чем ты, Черный Генерал?

Величайший воин в истории безымянного мира поднял на Хаджара взгляд, а затем вновь устремил его куда-то вглубь себя.

Надо же...

Раньше, стоило только упомянуть имя, данное ему богами, как Дархан моментально терял самообладание. Теперь же он почти никак не отреагировал на озвученное рабское клеймо.

– О душе, ученик.

– Я не твой... – хотел было возразить Хаджар, но лишь устало отмахнулся и не стал договаривать. – У меня нет времени на твои уловки, Черный Генерал. Мне нужно понять, почему с открытыми глазами я ничего не вижу, а когда закрываю их, оказываюсь внутри своей души.

Хаджар чувствовал, как мистерии проникают в сознание. Как они сплетаются со всеми тайнами и загадками, которые он встречал прежде.

Все, что он пережил, все, что узнал об этом мире, все это вело его именно к этому моменту. Именно к осознанию этой тайны.

Тайны, истины, мистерии – называйте как хотите. Но именно она должна была сделать из него – ползающей гусеницы – воспарившую в небо бабочку.

– Мне кажется, ты уже и так все понял, ученик. – Ветер трепал изорванный плащ Черного Генерала, игрался с его белыми волосами. – Осталось только посмотреть себе под ноги.

Хаджар опустил взгляд.

Туда, где качалась трава.

Туда, где должна была качаться трава.

Туда, где вдалеке, в бескрайнем мире его души сияла игольной вспышкой Река Мира.

* * *

Огнеш вдруг почувствовал что-то. Что-то, что заставило его крепче вцепиться в крепостную стену Сухашима.

– Что это...

– Вы тоже чувствуете?

– Посмотрите на это!

– Проклятье... камни дрожат на ветру?!

– Но ведь ветра нет!

Эти и им подобные крики заполнили древнюю крепость.

Огнеш и стоявший рядом с ним Гурам смотрели на то, как при полном штиле вертится флюгер на крепостном шпиле и как, будто при тайфуне, дрожат маленькие камешки на земле.

Одновременно, не сговариваясь, они обернулись к перекрестку четырех дорог. И на этот раз вместо режущего торнадо белого пламени увидели нечто совсем иное.

Синий северный ветер поднимался к самому небу и, драконьим клыком пронзая серые снежные тучи, устремлялся куда-то к небу.

– Боги и демоны...

Глава 1045

– Что это? – выдохнул Хаджар.

Там, под колышущейся травой, он увидел Реку Мира. Ее глубокие воды, внутри которых звездами горели бесчисленные духи. Начиная от духа меча, заканчивая духом щепки, отколовшейся в пятницу от ножки стула, проданного торговцем за бесценок деревенскому пастуху.

Все, что было обозримо и необозримо в этом безымянном мире, имело свое отражение в Реке Мира.

И она текла под ногами Хаджара.

– Путь к Седьмому Небу. – Черный Генерал сидел все так же неподвижно.

Хаджар повернулся к нему. К древнему созданию, которое сражалось с богами и демонами еще до того, как люди узнали о пути развития и смогли увидеть Реку Мира.

Причем узнали они о нем именно благодаря первому из Дарханов. Вернее, украденным им с Седьмого Неба учениям.

Забавная ирония.

Боги не хотели, чтобы люди развивались, но именно их записи положили начало новой эре безымянного мира.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Хаджар.

Дархан ответил не сразу.

А когда ответил, то произнес лишь:

– Ты уже и сам все понял... В конце концов, это твоя медитация гусеницы и бабочки, а не моя.

Хаджар вновь посмотрел себе под ноги.

Мир его души находился над Рекой Мира...

Когда же открыл глаза, он вновь стоял посреди бескрайней пустоты. Той, в которой, казалось, не было даже его самого.

Когда же Хаджар снова зажмурился, он нагнулся и провел пальцами по траве. Молодая, мягкая, слегка острая.

Все, что обозримо и необозримо...

Хаджар, он же Борей, умер в своем родном мире – на Земле. Лежа на холодной стали хирургического стола, разрезанный от копчика до затылка. Он умер, но не сдался в своих стремлениях к чему-то большему.

Кто-то, кто заранее спланировал его жизнь на Земле, забрал его душу и перенес в этот мир. Дал ей новое рождение.

Но даже так Хаджару было сложно ощутить себя частью мира. Изначально это являлось его силой – так он смог лучше понять путь меча. Быстрее осознать себя единым с клинком, а затем и с целым миром.

Но одно дело – ощущать себя единым целым с миром, но совсем другое – понимать всю глубину этой связи.

И эта глубина, эта связь открылась Хаджару лишь сейчас.

Потому что где-то там, внутри Реки Мира, сверкала и его собственная звезда. Звезда его духа.

Позади Хаджара хлопнула крыльями птица Кецаль. Орки верили в то, что она являлась символом свободы.

Хаджар обернулся и протянул руку.

– Отведи меня обратно, старый друг, – прошептал он.

Кецаль взмахнула огромными крыльями и, сорвавшись в короткий полет, обмотала длинным хвостом запястье Хаджара, а затем вместо того, чтобы взмыть к небесам, нырнула в траву и понеслась к Реке Мира.

* * *

Первый из Дарханов смотрел на то, как в Реке Мира, омывающей душу его ученика, исчезает птица Кецаль и душа, держащаяся за ее хвост.

Вновь оставшись наедине со своими мыслями, он достал из-за пазухи заготовку. Вырезанная из дерева, принадлежавшего птице Кецаль, она стала единственным, что могло унять душу Дархана.

Пальцем, внутри которого содержалось мистерий меча больше, чем мог осознать Хаджар, он вырезал из нее лицо. Лицо, которое не забудет никогда в жизни.

И неважно, падет или нет, он всегда будет ее помнить.

Помнить запах ее волос и нежность рук, свет улыбки и томность взгляда.

– Старик, – прошептал Дархан. – Помнишь тот день, когда ты не убил меня... – Он водил пальцем по дереву, позволяя появиться на свет все новым линиям и чертам. – Почему ты пощадил меня? Почему не убил... зачем запер на этой горе... Ты ведь знал, что однажды я сбегу с нее... И лишь ты один во всем этом мире мог уничтожить меня. Лишь ты один... Так почему, старик?

Ответа не прозвучало.

Вряд ли Яшмовый Император слышал его.

Одиноким, старый осколок черной души, запертой на Горе Черепов.

Лишь один человек во всем мире мог его убить, император Седьмого Неба. И этот единственный достойный враг пощадил его.

Дархан посмотрел в сторону удаляющейся птицы Кецаль.

Что же... возможно, так будет не всегда.

* * *

Хаджар открыл глаза.

Он лежал в холодной, постепенно покрывающейся ледяной коркой грязи. Над ним возвышался Белый Клык. Только теперь он не выглядел таким потрепанным. Его серые глаза излучали не пустоту, а осмысленность и силу. Волю, с которой следовало считаться.

Скрестив руки на могучей груди, он смотрел на Хаджара.

Он ждал.

Хаджар, легонько шлепнув ладонью по земле, поднял этим ударом себя в вертикальное положение.

– Ты справился, младший ученик, – прогудел Эрхард, Последний Король. – Мне тысячи лет назад потребовалось три дня, чтобы осознать единство души и мира. Тебе же – меньше суток. Это невероятно... Жду того часа, когда ты превзойдешь меня, младший ученик, и понесешь славу нашего учителя дальше в потоки истории.

Что ж... может, Хаджар и поторопился с выводами. Эрхард, несмотря на то что вернул себе память, оставался безумцем. Он действительно, на полном серьезе, чтит и уважал Черного Генерала. Того, кто едва было не разрушил весь мир.

Не останови его боги и герои, демоны и фейри, духи и смертные, сейчас не было бы ни безмянного мира, ни самого Эрхарда.

– Не медли, младший ученик, – он отодвинулся в сторону, – используй новую силу. Ощути ее в своих руках.

Хаджар вытянул правую ладонь. В ней тут же появился клинок Синего Ветра. Такой же, как и прежде. С черным острием и синей основой, на которой была изображена птица Кецаль, расправившая крылья и устремившаяся к небу сквозь облака.

Только Рыцари духа и слабые Повелители могли ненадолго призывать духа в реальность, увеличивая за его счет свою силу. Те же, кто продвинулся дальше, так или иначе научились сражаться с ним в союзе.

Кецаль всегда был рядом с Хаджаром – внутри его меча, а следовательно, и души...

Душа...

Хаджар пока не понимал всей глубины открывшейся ему мистерии. Но он явно ощущал то, что окружавшая его реальность была не более чем очередной искрой в бесконечной Реке Мира.

Такой же, как и он сам.

А значит, ничто не мешало ему изменить эту реальность. Точно так же, как она слишком долго и усердно меняла его самого.

– Брат мой, – прошептал Хаджар. – Теперь ты слышишь меня?

И впервые за десятки лет ветер ответил ему.

В его шелесте среди увядающих листьев и травы, в его порывах, хлещущих о каменные стены Сухашима, в его танце с кружащимися снежинками, в его полете, гордом и игривом, Хаджар услышал вопрос.

– Как меня зовут? – словно прошептал ему тысячей разных голосов ветер.

И Хаджар ответил.

С его уст сорвалось вечно изменчивое имя ветра. Его брата.

Истинное имя.

Тайное слово.

Слово, способное изменить реальность.

Глава 1046

Аркемейя смотрела на Хаджара. Высокий, мускулистый, он не то чтобы казался горой мышц, а скорее... был по-звериному силен. Ни единого лишнего грамма не прослеживалось в линиях фигуры воина. Все его тело было будто высечено скульптором с единственной целью – жить. Жить жизнью, полной лишений и сражений.

Покрытый шрамами, с черной татуировкой на груди и сине-черной на руке, он держал в руках волшебный клинок. Артефакт стадии Божественного. Меч, который стоил дороже, чем любой из дворцов на Восьмом проспекте Даанатана, столицы империи Дарнас.

На сухие, жилистые, но мускулистые плечи внезапно легли одеяния. Вышитые, казалось, снегом, они имели синий цвет. Внешне простые, но также излучавшие ауру Божественного артефакта – от них веяло зимой. Куда более холодной, чем спускалась на земли Сухашима.

По подолу и спине плыли белые облака, за которыми сияли прекраснейшие из ночных светил.

Аркемейя видела, как задвигались губы Хаджара. Как он что-то произнес. Но не могла не то что понять сказанного, а хотя бы различить звуки, из которых состояло одно-единственное слово.

Однако стоило Хаджару его произнести, как внезапно подул ветер. Холодной, суровый и будто бы даже несгибаемый.

Ветер пришел с севера.

Он принес с собой метель, какой еще не видели жители Сухашима. Огромные покровы снега поднимались к небу лавинами ледяного цунами. Белые стены надвигались с севера, а в них будто ржали боевые кони, скрипели колеса колесниц, звенела сталь оружия, стучащего о щиты.

Северный ветер всем своим могуществом вечных снегов и льдов обрушился на фигуру одного человека. Но вместо того, чтобы разорвать его, иссечь, истоптать и уничтожить, он будто вошел внутрь. Стал частью. Одним целым.

А затем меч Хаджара вспыхнул. Засиял ярче, чем звезды на его одеждах. Синий, холодный свет залил окрестности.

И на этот раз слова Хаджара были слышны даже уходящим в Ласкан оркам.

– Разорванное небо, – произнес Хаджар. И будто в ответ небо над его головой дрогнуло. Единый литой покров белого мрамора зимы вдруг задрожал и покрылся черными трещинами, сквозь которые проливалась тьма Вселенной. От одного лишь сосредоточия мыслей и энергии Хаджара вокруг него разливались волны эха, способного уничтожить зазевавшегося Повелителя. – Драконья буря.

Хаджар взмахнул клинком. Острием проведя по воздуху, он оставил на нем небольшую царапину. Царапину, из которой внезапно вынырнул настоящий хозяин неба.

Три тысячи шагов длиной, четыреста шагов шириной. Правым крылом он накрыл Сухашим, а левым – приграничный стан орков. Его тело, сотворенное из меча, устремилось к небу. Его клыки и когти, созданные из белых молний зимнего ветра, сверкнули упавшими звездами.

А когда он врезался в белый покров зимнего свода, то рассек его так же легко, как теплый нож мягкое масло. Не было ни взрыва, ни потока энергий, ни хлопка. Но в радиусе сорока километров перестал идти снег, а белое небо почернело. Засияли звезды и их царица луна.

– Он соединил волю с энергией, – прошептал все еще лежащий на земле Том. – Видят боги и демоны, он сделал это. Он получил силу, которой могут обладать лишь великие герои.

– Скорее, лишь те, кто обладает этой силой, могут стать великими героями, – поправила Аркемейя.

– Неважно, – отмахнулся бывший аристократ. – Хаджар теперь находится в совсем ином измерении силы. Куда ближе к великому мечнику Оруну и ректору “Святого Неба”, чем к нам, простым адептам.

На этот раз Аркемейя промолчала. Благодаря Хельмеру, который и способствовал все эти годы ее стремительному развитию, она знала и о великих героях, и о том, что для прохождения испытания на это высочайшее из “званий” семи империй нужно было не только осознать волю, но и подчинить ее своему разуму.

Иными словами – слить воедино волю и энергию, сделав ее частью техник.

Увы, как этого достичь, Хельмер не объяснил. А те свитки, которые он отдал Аркемейе, содержали лишь смутные намеки, говорящие о зримом и незримом, душе и разуме, Реке Мира и пустоте, на самом деле являвшейся лишь отражением, которое сам адепт и создавал.

В общем, в той мути, что там была описана, Аркемейя могла найти разве что источник своей головной боли, но никак не способ стать сильнее.

Она еще раз посмотрела на Хаджара.

Когда она несколько лет назад встретила его в горах Да’Кхасси, молодому воину пришлось пойти на хитрость и даже подлость, чтобы захватить ее в плен. Теперь же Аркемейя не была уверена, что выдержит хотя бы три удара Хаджара и...

Она посмотрела на чистое, ясное ночное небо.

Кого она обманывает...

Даже одного подобного удара хватило бы, чтобы уничтожить ее лучшую защитную технику вкуче с артефактами брони и оружия и жизнеспасательными амулетами.

Том был прав, и Хаджар действительно взобрался на совсем иную ступень силы.

– Эй, ты куда? Разве ты не хотела о чем-то поговорить с варваром?

Аркемейя никак не ответила. Развернувшись к перекрестку спиной, она, все ускоряя шаг, отправилась в обратном направлении.

Самое главное – не обернуться...

При нынешнем раскладе сил она не сможет путешествовать вместе с Безумным Генералом. Лишь станет очередным бременем, которое тянет его к земле. А это вовсе не то, чего хотела Аркемейя из Курхадана.

– Дождись меня, варвар, – прошептала она. – Ты все еще мне должен.

* * *

Хаджар повернулся на восток. Он успел увидеть лиловую вспышку света, а затем ощущение присутствия Аркемейи исчезло.

Девушка ушла.

Странно, Хаджар, если следовать простой логике, должен был этому только обрадоваться. Полукровка, несущая в себе часть демонической крови, она уже трижды так или иначе обводила Хаджар вокруг своего изящного пальца (при чем здесь вообще изящество ее пальцев?!).

Но почему-то Хаджар, поняв, что воительница ушла, ощутил легкий укол грусти. А еще он почувствовал запах. Запах ее волос.

Его принес ветер.

Будто игривый кот, потерявшись этим запахом о лицо Хаджара, лизнув его душу, он устремился дальше. Ветер никогда не останавливался на одном месте.

Он был готов прийти на зов своего брата, но не более того.

Ветер был свободен. Свободен ото всех оков.

Чего не скажешь о людях...

– Что теперь? – Хаджар на этот раз не стал возвращать клинок Синего Ветра внутрь своей души. Вместо этого он убрал его в ножны, которые появились на одеждах, сотканных самой королевой Мэб.

Королева Зимнего двора фейри будто заранее знала, что однажды Хаджару они пригодятся.

Белый Клык повернулся в сторону деревни. Туда, откуда он и пришел.

– Я обязан этим людям, – произнес Эрхард. – Маленькой Лите и ее матери... Ты спас мой разум, младший ученик. Это долг, который легко оплатить. И я его оплатил. Но Лита и Эрия... они...

– Спасли твою душу, – кивнул Хаджар.

Эрхард молча смотрел в сторону деревни. Ветер развеивал его белые волосы.

– Я не покину их до того момента, пока не оплачу долг. Или не буду уверен, что другие надежные руки примут заботу о них. До этого момента ты можешь быть спокоен, младший ученик, мы не встретимся снова.

Хаджар кивнул.

Теперь и он это чувствовал.

Чувствовал, что однажды их дороги с Эрхардом пересекутся вновь. Пересекутся, чтобы дальше путь прокладывал лишь один.

Им предстоял поединок. Смертельный.

– До встречи, младший ученик, – Эрхард протянул руку.

– До встречи, старший ученик, – Хаджар ответил на жест.

После этого двое мечников развернулись и пошли каждый в своем направлении.

Глава 1047

– Резче удар! Шире ногу! Корпус прямо держать! Представь, что жердь проглотила и фехтуй!

– Старший офицер Огнеш, вы бы что-то другое ей предложили проглотить, так она...

Один из новобранцев не успел договорить, тяжелый кулак Огнеша врезался ему в левую скулу. Новобранец из деревни, названия которой Хаджар не то что не удосужился запомнить (при абсолютной памяти не запомнить что-то было сравнительно невозможно), а даже не соби-рался вызывать подсказку нейросети или копаться в памяти.

С тех пор как справили тризну по Степному Клыку и орки ушли в земли Ласкана, прошел уже почти месяц. И весь этот месяц Сухашим, помимо того что переживал значительные внешние преобразования, еще и пополнялся новобранцами.

Целыми потоками они шли из окрестных деревень, увеличивая численность армии Лунного ручья, доводя ее до значения почти в пятьдесят тысяч воинов.

Сначала приемом занимался лично Том (после того как он действительно справился с восстановлением Сухашима, ему было банально нечем себя занять), но, устав от постоянного общества “деревенщин” (так он их называл), передал бразды управления Гураму и Огнешу, первым старшим офицерам армии.

– Думай, новобранец, перед тем как открыть рот! – гаркнул Огнеш. По пояс раздетый, в простых холщовых штанах, покрытый шрамами, с телом, словно выкованным в тысячах битв.

Хотя если вспомнить, какого рода тренировок требовал стиль “Меча текущей крови”, то за прошедшее время армия Лунного ручья прошла через такое количество сражений, каким могли похвастаться разве что легионы императора.

– Да, старший офицер, прошу простить. – Новобранец вытер кровь с разбитой губы и сплюнул осколками зубов.

Огнеш не церемонился. Привык уже на тренировках выполнять норму нескольких солдат, да и наличие целебного отвара и постоянные серьезные битвы вытравили из него все излишние сантименты.

Не сделав из пастуха бесчувственного монстра, они выковали из него достойного воина, которого уважал не только Хаджар, но и Том.

– Все мы ошибаемся, новобранец. – Огнеш протянул руку и поднял им же сваленного молодого бойца на ноги. – Главное, какие уроки мы извлекаем из этих ошибок.

Он протянул простой железный меч раненному им же бойцу и продолжил ходить по плацу. Сейчас здесь билась треть армии.

После восстановления стен Сухашима Хаджару пришлось поднапрячься, чтобы придумать, что делать со столь хорошо отлаженным механизмом трех смен.

В итоге он решил, что вместо того, чтобы таскать породу из шахт на стену, бойцы армии Лунного ручья примутся за благоустройство дорог и трактов.

Все лучше, чем бессмысленно тягать железо. Несмотря на то что Хаджар прошел все круги бездны, которые перед ним обозначил старший офицер Догар (да будут праотцы к нему благосклонны), это не означало, что Хаджар был согласен с подобными методами закалки тела.

– Заместитель генерала, – отсалютовала девушка, на защиту которой встал Огнеш.

Статная, фигуристая, с округлостями, которые не снились сухим аристократкам Даанатана, она привлекала пусть не красотой, но женственностью. А она, женственность, порой влечет мужчин куда больше, чем любая, даже самая изысканная красота и изящество.

Том, к которому и обращалась новобранка, остановился и задержал взгляд на ее формах. Едва ли не облизнувшись, он заставил девушку покраснеть.

Она пребывала в Сухашиме всего четыре дня. И несмотря на то, что кроме нее здесь служило еще около четырех тысяч женщин, все еще не привыкла к повышенному градусу мужского внимания.

Хаджар улыбнулся и произнес Слово.

Ветер, подувший с севера, схватил черпак из бочки с пахучим варевом и, бесшумно пронеся его по воздуху, опустил на голову Тому.

– Проклятые бездна и небеса! – вскрикнул тот и усилием воли очистил одежду и волосы от жижи. Вот только от запаха он избавиться не мог.

Повернувшись к Хаджару, который в данный момент сидел на крыше главной башни и, медитируя, параллельно осматривал свои “владения”, Том показал не очень приличный знак.

Правда, он сделал это так, чтобы не увидел никто из личного состава. Все же, пусть наглый и нахальный, избалованный и высокомерный, Том умел в нужный момент шевелить мозгами.

Хаджар в ответ только хмыкнул и продолжил медитировать.

Слово все еще кружилось вокруг него. Изменчивое, как сам ветер, оно менялось не просто каждый день и каждый час, так же как и ветер, а каждую секунду, каждое мгновение.

То, что начал произносить Хаджар, и то, чем он закончил, было совершенно разными Словами.

Таковыми же разными, как молодой, пышущий жизнью весенний дуб и речной галечный камень.

Хаджар никогда бы не смог осмыслить и крупницы этого имени, этого Слова, если бы не осознание всех тех мистерий, что приходили в его жизнь с того момента, как он оказался в деревне в Долине Ручьев.

Вся его жизнь вела к осознанию того, что Река Мира омывала не только все сущее, бывшее, настоящее и будущее, а еще и его собственную душу. И казалось бы, это понимание лежало на поверхности, но... нет.

И осознание этого факта, этой глубокой и всеобъемлющей мистерии позволило Хаджару не только взять под контроль свою волю, но и понять, что это такое.

Воля – изъятие его души. Квинтэссенция его “я”. То, что люди называют бессознательным.

Незримое...

И это бессознательное он смог слить с насущным. С телом и разумом. С сердцем. С тем, что было зримым. Квинтэссенцией его сознания. Ибо тело – тоже часть сознания.

Теперь Хаджар это понимал.

Его тело – часть разума. А воля – часть души.

Душа и разум...

Хаджар чувствовал, что в этом таится нечто большее.

Несмотря на переход на качественно новый уровень силы, которого пока вообще не понимал, он осознавал, что есть путь вперед. Что он пока не достиг пика.

То, что искал Тирифаль – великий мечник Орун... Теперь в поиске пребывал и Хаджар. В конечном счете он не собирался останавливаться на своем новоприобретенном “Истинном королевстве меча синего ветра”. Слитое из двух “Королевств” – меча и синего ветра, – оно являлось самым могущественным оружием, которым владел Хаджар.

Ни одна его техника, даже та, что он лишь начал создавать, техника “Разорванного неба”, – даже она не могла сравниться по могуществу с “Истинным королевством меча синего ветра”.

Вот только все эти знания – “Истинное королевство”, воля и Имя Ветра – они пока не были структурированы Хаджаром. И лишь малая их доля стала его непосредственной силой.

Иначе как еще можно было объяснить...

– Анализ, – отдал Хаджар мысленную команду.

Обрабатываю запрос... Запрос обработан. Использование потенциала носителем: 1,25 %

Вот так вот...

В уровне использования своего максимума Хаджар опустился до жалкого процента с четвертью. Он получил силу, к которой не был готов. И на этот раз ему требовался не учитель, который все разложил бы по полочкам, а время.

Банальное время.

Несколько лет... а лучше – несколько десятилетий. И Хаджар это понимал. Но также отчетливо он понимал, что такого времени никто ему не обеспечит.

И даже используя тренировочный режим нейросети на полную катушку, он все равно не сможет подняться на тот уровень силы, который требовался для путешествия в страну бессмертных.

А учитывая, что в данный момент к Сухашиму мчался всадник, на нагруднике которого блестела эмблема императорского рода, время теперь становилось самым ценным ресурсом из всех...

Глава 1048

Посыльный его императорского величества предстал в облике златовласой прелестной девушки. Правда, тот факт, что помимо эмблемы императорского рода, выбитой на блестящем нагруднике, она носила амулет стражей, несколько поумерил пыл Хаджара.

Все же после недавних приключений и злоключений, как и любой нормальный воин, он хотел всего трех вещей. Вкусно пожрать. Выспаться. И, что едва ли не самое главное, утолить позывы плоти.

Сначала оценив по достоинству посланницу, Хаджар мысленно дал себе звонкую оплеуху. Правда, столь же мысленную. С корпусом стражей шутки были едва ли не так же опасны, как с Тайной канцелярией.

– Эй ты! – крикнула посыльная, соскакивая с белоснежного коня какой-то безумно редкой породы.

Порода объекта неизвестна... Примерный уровень силы объекта: король 4-ой стадии.

Вот оно, богатство личной гвардии “Запретного города”. Какая-то посыльная, которую отправили на границу империи, передвигалась на скаковой лошади редкой породы. На лошади, которая была равна по силе Небесному солдату средней стадии.

Статный, мускулистый, с такой же золотистой гривой и черными глазами конь заставил большинство новобранцев смотреть вовсе не на девушку, а на себя.

Для жителей деревень лошадь была и отцом, и матерью, и кормильцем, и способом не отправиться к праотцам раньше срока.

– Ты что, не слышишь меня, деревенщина?! – не унималась посыльная.

Огнеш, который в данный момент надел простые одежды и скрыл свое тело и шрамы, не сразу понял, что обращаются именно к нему.

Хаджар же, все так же сидящий на крыше башни, не спешил вмешиваться в процесс.

– Вы ко мне обращаетесь, миледи? – удивился Огнеш.

Том, прислонившийся к стене кузни, где всю пыхтели меха, жевал яблоко и так же спокойно наблюдал за происходящим.

– Где ваш главный?

– Главный, миледи? – еще сильнее удивился старший офицер. – Вы, возможно, имеете в виду генерала Дархана?

– Генерала Дархана? – презрительно фыркнула офицер стражей. – Передай этому псу, шавка, чтобы он немедленно тащил сюда свою задницу! Проклятье... вонючий сарай... и стоило мне делать эту глупую ставку... приперлась на другой край света, чтобы месить дерьмо деревенщин...

Речь миловидной воительницы резко отличилась от ее внешности. И именно этим Хаджар и объяснял ступор, который заставил весь двор Сухашима (около восьми тысяч воинов) молча, с неверием смотреть на визитершу.

Затем, когда прошел шок, Огнеш, скрипнув зубами и сверкнув глазами, вытащил вонзенный в землю меч и поднял щит.

Встав в оборонительную стойку, он дважды ударил клинком о край щита. Мало мелодичный, резкий металлический звон рассек пространство двора.

Восемь тысяч воинов, будто единый организм, мгновенно приняли полукруговое формирование. Первые ряды тяжелой пехоты синхронно вонзили в землю ростовые осадные щиты. Сформировав стену, они отставили в сторону широкие палаши.

На ложе щитов положили лезвия тяжелых титанических клинков члены второго ряда, которые в армии Лунного ручья заменяли копейщиков.

Позади у обладателей легких, быстрых, коротких мечей засияли клинки. Используя стремительные легкие атаки, преодолевавшие расстояния в половину полета стрелы, они заменяли лучников.

Боевое построение армия приняла меньше чем за удар сердца. И уже через секунду они синхронно ударили железом о железо и хором выдохнули:

– Ат!

Теперь пришел черед офицера стражей замереть и, обомлев, не зная, что делать.

– Миледи, – процедил Огнеш, в глазах которого горел недобрый огонь. Хаджар уже видел, что происходило с теми, на кого бывший пастух направлял это пламя.

Будучи лишь практикующим стадии трансформации, он раскидал десяток воинов, равных ему по стадиям. Безусловно, Огнеш являлся одним из сильнейших людей в армии Лунного ручья.

– Вам лучше думать, перед тем, – продолжил бесстрашный Огнеш, – как порочить имя нашего генерала.

– Да вы...

Огнеш дважды ударил мечом о щит, и армия, выдохнув единым, громогласным:

– Ат! – сделала шаг вперед. Воздух задрожал от слившейся воедино ауры восьми тысяч практикующих.

Посланница корпуса стражей часто посещала различные военные формирования. Она знала многих генералов и бесчисленных офицеров. Но то, что открылось ее взору в Сухашиме...

Нет, это было невозможно.

Она будто оказалась перед лицом лавины из стали и крови. Лавины, которая смела бы ее, даже не заметив сопротивления. Смела и отправилась дальше.

Воздух, пропитанный боем и смертью, забивался в ее легкие и не давал дышать. Умом она понимала, что перед ней всего лишь восемь тысяч практикующих. Будучи Рыцарем духа средней стадии, она бы отправила их всех к праотцам двумя, может, тремя ударами своего копья.

Но все же что-то мешало ей достать оружие и призвать духа. Что-то заставляло ее руки дрожать, а сердце биться в нерешительности.

И это что-то было не чем иным, как воинской аурой. Тем, чем обладали лишь легионы империи, прошедшие через горнила сотен сражений и битв.

Как какой-то захолустный корпус Сухашима, который лишь на бумаге являлся армией, мог обладать чем-то подобным? Как эта жалкая горстка практикующих могла напугать Рыцаря духа?!

– Мне... мне... – Посыльная пыталась продолжить фразу, но каждый раз запинаясь. Наконец, скинув с себя секундное наваждение, она произнесла: – По поручению его императорского величества я требую аудиенции у генерала Дархана, командующего...

Она сделала паузу.

Огнеш подсказал:

– Армией Лунного ручья.

– Командующего армией Лунного ручья, – закончила посыльная.

Она многое слышала о Хаджаре Дархане. Истории о нем и клане Кесалия в последнее время стали одной из главных тем для сплетен в салонах и на балах Даанатана. В почти опустевшей столице, откуда большинство уехало, испугавшись зова войны, поговорить было не о чем.

Так что Дархан и Кесалия буквально монополизировали слухи и сплетни. Не говоря уже о песнях бардов и менестрелей.

Принц северного варварского королевства, объявивший себя врагом империи и ставший опальным. Прошедший через Море Песка и, по слухам, нашедший и разрушивший библиотеку Города Магов.

Впоследствии он обманул ректора “Святого Неба”. Оказался в горах Ласкана, где обитали демоны. Стал побратимом народа орков. Убил Ана’Бри и шантажировал всю знать Даанатана ее сердцем. Оказался личным учеником великого мечника Оруна, отразил атаку великого героя Дерека Степного и в честной дуэли победил его.

Ну и вдобавок спас жизнь императору, переспал с его дочерью и собственноручно перекроил полотно семи великих кланов столицы империи.

Но посыльная во все это не верила. Корпус стражей, один из немногих, знал, что Хаджар был не более чем простой марионеткой в руках его императорского величества и генерала Декоя Шувера.

Зарвавшейся, нахальной, помойной затычкой, которая слишком много о себе...

– Вы искали меня, миледи?

Если в прошлый раз посланница лишь ощутила легкий укол страха, который без труда поборол, то теперь...

Перед ней стоял высокий молодой мужчина. В прекрасных одеждах, с черными волосами, стянутыми в хвост, опускавшийся до самых колен. В них были вплетены три белых пера и фенечки пустынных бедуинов.

Загорелый, почти медного цвета, он излучал какую-то дикую силу и мощь. Он двигался, дышал и даже говорил как-то по-звериному. Будто вот-вот прыгнет, вцепится клыками и когтями в плоть, не оставляя добыче ни шанса.

От него веяло опасностью. Опасностью и силой.

Единственный раз, когда посланница испытывала такое, – это когда имела неосторожность прийти на совет, куда позвали Оруна-Тирифалья.

Боги и демоны...

Этот словно был его ожившей копией.

Спина посланницы согнулась сама собой. Она опустилась на правое колено. Бледное лицо покрылось испариной. Синие губы вытянулись тонкими полосками.

Еще никогда, не считая того случая, она не чувствовала себя в большей опасности.

– Послание императора, мой генерал, – прошептала она.

Глава 1049

В небольшом кабинете, в котором кроме одинокого покосившегося стола, нескольких простых табуретов и шкафа больше ничего не было, в данный момент находилось в разы больше людей, чем тот мог вместить.

Гурам и Огнеш, носящие амулеты старших офицеров, встали по разные стороны от дверного проема. Выглядели они скорее наемниками или телохранителями, чем воинами, но это вопрос времени. Вскоре обростут опытом и статью, после чего военный совет больше не будет казаться Хаджару созывом банды.

Сам Хаджар сидел во главе стола, а напротив на табуретах расположились Том с Гелой. Так звали посылную из корпуса стражей.

– Итак, – Хаджар положил ладони на стол. – Миледи Гела...

– Младший офицер Гела, – поправила посылная. – Прибыла в Сухашим с посланием из рук императора, завизированным генералом Декоем Шувером.

Хаджар слегка изогнул правую бровь. Любой документ с таким описанием будет выглядеть не иначе как шпионская депеша. И Гела, которой, судя по ауре, недавно стукнуло три сотни лет, должна была это понимать.

– Генерал Шувер хотел сначала послать к вам Рекку Геран, но...

– Но хорошо, что он этого не сделал, – скрипнул зубами Том. – Боюсь, эта крыса не дожидаясь бы до момента, когда ее ноги пересекли бы порог моего форта!

– При всем уважении, старший офицер Том Безродный, – Гела сделала ударение на последнем слове. – Но Сухашим – не ваша личная собственность. Он со всеми окрестными землями принадлежит генералитету Дарнаса. Вы с генералом Дарханом здесь не более чем наместники.

Том выругался, а затем повернулся к Хаджару.

– Если я прямо здесь и сейчас ее убью, ты мне какое наказание выпишешь, генерал?

Гела схватилась за древко копья, а Огнеш с Гурамом обнажили мечи. Их нисколько не беспокоило, что перед ними сидела Рыцарь духа. Эти двое, как и все, кто приходил в армию Лунного ручья, не знали страха.

Отважные и достойные.

Лишь такие могли принять амулет Хаджара.

– Младший офицер Гела, – Хаджар проигнорировал выпад Тома. Бывший аристократ не был глуп. И скорее всего, хотел просто припугнуть леди. Хотя... кто знает, что там творится в его голове. – Передайте документ.

– Разумеется, генерал Дархан, – кивнула посланница. – Но сначала я бы хотела убедиться в подлинности вашей личности.

Огнеш и Гурам шагнули вперед. И на этот раз уже без всякой смешинки в глазах Том приобнажил клинок.

Хаджар в свою очередь поднял ладонь и этим взмахом остановил горячие головы.

Просить подтвердить личность... Де-юре в подобной просьбе не было ничего криминального, но де-факто это являлось весьма значимым уроном чести и в чем-то даже унижением.

Гела буквально открыто заявила, что не поверила ни единому слову, которое услышала из уст Хаджара. А поскольку в данный момент она являлась представительницей корпуса стражей, получалось, что такого же мнения придерживалась и вся гвардия “Запретного города”.

Хаджар абсолютно спокойно обнажил разделочный нож и позволил его лезвию порезать плоть на ладони. Когда упали первые капли крови, он произнес клятву.

Кровь вспыхнула золотом, и края раны затянулись. Мгновение, второе – ничего не произошло. Хаджар, так и не сгоревший в золотом пламени клятвопреступника, все так же сидел на стуле.

– Прошу прощения, генерал Дархан, – склонила голову Гела. – Но таков протокол...

– Проклятые стражи, – процедил Том. – У вас нет ни совести, ни чести.

Теперь уже посланница ударила древком копья о пол и даже начала привставать с табурета.

– Достаточно, – спокойно произнес Хаджар.

Но весь Сухашим в этот момент замер. Давление силы мечника оказалось настолько велико, что даже птицы, собиравшиеся пролететь над крепостью, изменили свой маршрут.

Гела, почувствовав, как задыхается, села обратно и еще раз склонила голову.

Проклятье...

Проклятье!

Что за монстр сейчас сидел рядом с ней?!

– Послание, мой генерал, – не поднимая взгляда, она протянула свиток, увешанный едва ли не десятком магических печатей.

Хаджар принял его. Усилием воли он сорвал печати. Впрочем, не будь он тем, кем являлся, то, скорее всего, исчез бы на месте. Такое количество магии, которое содержалось в этом послании, с ходу говорило о секретности содержимого.

Прочитав послание дважды, Хаджар выругался настолько грязно, насколько только позволяла ему фантазия и годы общения с Неро и Оруном.

В итоге получилась конструкция, которая заставила Огнеша и Гурама присвистнуть, Гелу кашлянуть, а Тома уважительно хмыкнуть.

– Принесите клятвы, – потребовал Хаджар.

Народу не требовалось уточнять, какие именно. Гела же, судя по всему, принесла эту клятву еще до того, как покинула стены “Запретного города”.

– Генерал Шувер был против того, чтобы вы озвучивали послание своим людям, – добавила посланница. – Но император сказал, что вы в любом случае это сделаете.

Хаджар, игнорируя Гелу, протянул свиток Тому.

Тот, прокашлявшись, прочитал:

– “Генералу Хаджару Дархану, командующему фортом Сухашим. Послание от его императорского величества, завизированное лично генералом Декоем Шувером, главой...” Так, это все неинтересно... титулы, звания, бла-бла-бла. – Вдруг глаза Тома округлились, и он резко побледнел. – “Тремя днями ранее наследный принц, сын императора Моргана, был осажден в Долине Дельфи. Заняв оборону в мануфактуре Ласкана по производству боевых големов, он попал в ловушку противника и теперь ведет оборону. Его люди истощены. Силы на исходе. Император лично просит вас, генерал Хаджар Дархан, оказать посильную поддержку принцу...” Иными словами, Хаджар, вытащи задницу принца из того капкана, в который он угодил. Сроку у тебя – до новой луны. После этого мне придется идти на поклон к регенту-матери императора Ласкана. Сам понимаешь, чем это обернется для нашей страны... “Также не хочу сгущать краски, но еще до того, как мой сын покинул фронт с заданием, из “Запретного города” бесследно исчезла Акена... И мне кажется, я знаю, где она сейчас... Хаджар... не буду больше ничего писать. Ты и сам все понимаешь. Рассчитываю на тебя. Его Императорское Величество, Морган Бесстрашный”.

Том закончил читать, аккуратно, едва ли раболепно свернул свиток и отложил его в сторону. Затем молча откупорил горлянку и, сделав несколько глотков, протянул Хаджару.

Тот, повторив действия Тома, отправил емкость дальше по кругу. Стоило ли уточнять, что к моменту, когда та вернулась обратно к Тому, то была пустой, как карман бедняка.

– Долина Дельфи, – прошептал Том. – Это ведь самое сердце Ласкана... проклятье, я слышал, она укреплена ничуть не хуже “Запретного города”!

Хаджар, прикрыв глаза, барабанил пальцами по столешнице.

“Не буду больше ничего писать...”

Это не было очередной интригой Моргана... Как бы сильно он ни хотел выставить это таким образом, что Хаджар был ему чем-то обязан, а все находилось под полным контролем, но... это было не так.

Ласкан не смог бы столько лет бороться с гениальным манипулятором и интриганом Морганом, не будь... не будь на его стороне кого-то равного.

Регент-мать Ласкана и император Дарнаса играли длинную и сложную шахматную партию. Вот только в данный момент регент-мать умудрилась переиграть Моргана.

– Что будем делать, Хаджар? – вздохнул Том. – Проклятье! Боги и демоны! Да о чем я вообще?! Пришло время клану Кесалия переезжать. Я слышал, в империи Сукзам, на дальнем востоке, делают вкуснейшее вино. Может, туда сбежим?

Хаджар вздохнул и, поднявшись со стула, повернулся к окну, из которого открывался вид на земли Ласкана.

– Ох, демоны, – протянул, поднимаясь, Том. – Пойду напишу письмо Эйнену и Доре. Встретимся с Анетт на северо-западной границе.

– Разумно, – кивнул Хаджар.

– Разумно... Да что здесь может быть разумного?! – не сдержалась Гела. – Что вы собрались делать, генерал Хаджар?

– Спасать принца, разумеется, – пожал плечами Хаджар.

Глава 1050

– Не понимаю твоей страсти к передвижению на своих двоих. – Том покачивался в седле кровавого мустанга и то и дело прикладывался к горлянке.

Хаджар не знал, что именно бывший аристократ возит в своем пространственном артефакте (должно же было у него остаться хоть какое-то наследство после стольких лет пребывания в роли младшего наследника Дома Хищных Клинков...), но подозревал, что алкоголь там занимал большую часть.

– Аркемейя вернула только одного коня, – пожал плечами Хаджар.

В данный момент они двигались по императорскому тракту в сторону северо-западной границы.

– А ты, кажется, только и рад побегать.

– Разминаю ноги, не более того.

Том фыркнул и снова отпил из горлянки.

– Ты можешь обмануть кого угодно, варвар, но только не меня, – отмахнулся Том. – Просто в тебе говорит твоя крестьянская натура. Передвигаться верхом – удел благородных. Только такие, как ты, месят грязь ногами.

Хаджар улыбнулся и промолчал. Он действительно был рад побегать и размять уставшие от бездействия ноги. К тому же передвигаться верхом он никогда не любил. И при отсутствии крайней необходимости старался этого не делать.

Тем более в данный момент такая необходимость действительно отсутствовала.

Хаджар все еще экспериментировал с новой силой – способностью призывать ветер. Его вечно изменчивое имя было так же слышно Хаджару, как ворчание едущего рядом Тома.

Произнеся волшебное слово, Хаджар позвал ветер, и тот стал частью его ног. Они побежали так же легко и быстро, как ноги кровавого мустанга. И при этом, в отличие от техники “Шага белой молнии” или “Пути среди облаков”, совсем не расходовали энергию.

Будь это иначе, и легкая разминка для Хаджара превратилась бы в истощающий марафон. К тому же он, увы, в последней битве лишился последних запасов восстанавливающих энергию пилюль.

– Скажи мне, варвар, – Том смачно сплюнул в сторону, – а зачем нам потребовалась Анетт?

На скорости, превышающей семьсот километров в час, этот плевок, наверное, для смертных был и вовсе уму непостижим. Хаджар порой любил развлечь себя подобным образом. Подумать о том, как что-то обыденное для адепта выглядело для смертных. Или, что еще забавнее, для землян.

Но вот он, Хаджар Дархан, генерал империи Дарнас, бежал со скоростью, не уступающей прыти кровавого мустанга, рысью, даже не галопом, обогнав лучшие из спорткаров Земли.

Его ноги походили на облака, а сам он оставлял позади себя белесые полосы.

– Не хочу бросать ее под носом Моргана, – полуправдой ответил Хаджар.

Том, услышав имя императора без предшествующих тому регалий и уважительных обращений, вздрогнул, а затем выругался.

– Я же уже говорил, варвар, – процедил он. – Ты можешь обмануть кого угодно, но не меня. Чернокожая нужна тебе для инога.

Хаджар изогнул правую бровь.

– Я не настолько озабочен, как ты, мой юный друг.

– Вот только сказки не надо рассказывать, – фыркнул Том. – Видел я, как ты жрешь глазами ту златовласку из стражей. Думал, прямо на месте ее и распнешь.

– Секундное наваждение, и не более того, – парировал Хаджар.

– И тем не менее, варвар, для чего нам Анетт? Нет, ее некромантия и магия племен Карнака выглядят вполне полезными и уместными вещами, но... Ее тело, при всей его сексапильности, не очень-то выносливо. Она недалеко ушла от простых смертных. И кто знает, сможет ли пережить это путешествие. Так что – зачем она тебе, варвар?

Хаджар устало вздохнул.

Он встретил Тома несколько лет назад. Почти шесть, если быть точным. В то время это был высокомерный и нахальный юноша шестнадцати лет от роду. Нет, Том остался таким и сейчас, но за шесть лет постоянных опасностей и приключений к высокомерию и нахальности добавился еще и ясный ум.

Том не был глупцом.

Даже наоборот.

– Мне нужно у нее научиться кое-чему, – уклончиво ответил Хаджар. – И боюсь, другого времени не представится.

– Не представится? – Том прищипил коня и чуть прибавил темпа. Это заставило ускориться и самого Хаджара. – Боишься, что станешь импотентом?

– К демонам тебя, – выругался Хаджар. – У тебя было время в Сухашиме, Том, чтобы унять свою жажду женской плоти. Так что либо прекрати сотрясать воздух на эту тему, либо пусть твои губы принесут хоть какую-то пользу.

– Прости, варвар, но мои губы лично тебе никакой пользы не принесут. Я не из мужеложцев.

Хаджар выругался чуть грязнее, и следующие несколько часов пути они проделали в тишине.

Они скакали (вернее, Том скакал, а Хаджар бежал, наслаждаясь тем, как ветер становится частью его тела) с самого утра. В стенах Сухашима в данный момент всем заправляли Огнеш и Гурам. Именно их Хаджар поставил руководить армией Лунного ручья.

Никто не думал, что они расстанутся так скоро, но все же никто из людей Хаджара не обладал силой, достаточной для такого испытания.

Пока не обладал...

Тома пришлось забрать с собой. И не только потому, что, оставшись в Сухашиме, бывший аристократ мог натворить дел (а он мог), просто в отсутствие Эйнена Хаджару требовалось хоть какое-то альтернативное мнение и взгляд со стороны. Может, не такой хитрый и скользкий, как у островитянина, но незамысленный и ясный.

Таким обладал Том. Ну и не стоило забывать, что, пусть не обладая “Королевством”, будучи простым Рыцарем духа, Том Безродный оставался весьма сносным фехтовальщиком.

Хаджар не собирался врываться в Ласкан при полном параде. Он был там один, в то время как вражеская империя располагала несколькими великими героями.

Взять того же Танигеда Облачного. Хаджар был уверен, что сойдись они сейчас в поединке, такого же исхода, как в прошлый раз, не будет, но... Но не был уверен, что сможет одолеть рыжеволосого воина.

А ведь Танигед не являлся сильнейшим великим героем империи Ласкан. На этой позиции прочно обосновался Алый Мечник. Имя, за которым скрывалась личность, окутанная завесой тайн и мистерий.

Вроде как Алый Мечник был настолько древним, что застал эпоху падения ста королевств. В принципе, если он являлся Безымянным, то при должной технике укрепления плоти... скажем, Божественного уровня техники... в совокупности с редчайшими и самыми драгоценными эликсирами, продлевающими жизнь, он мог прожить несколько эпох, но...

Но тогда его силе полагалось быть поистине запредельной. И таких, как Орун, Алый Мечник должен был бы раскидывать, как игрушки.

Но даже Тирисфаль, да примут его праотцы, никогда не сталкивался на полях сражений с Алым Мечником. Так что в Дарнасе, да и в самом Ласкане полагали, что этот воин не более чем страшилка, которой Ласкан пугал своих врагов.

– Хаджар, – вдруг как-то задумчиво протянул Том. – А ты не знаешь никаких беловолосых огненных мечниц?

Тот задумался.

– Только мечников, – не сразу ответил он. – А к чему вопрос?

– Да так, – пожал плечами Том. – Просто интересуюсь.

Хаджар с прищуром посмотрел на компаньона, но тот, кажется, не собирался распространяться на тему своих мыслей.

Странный вопрос...

Глава 1051

Таверна, в которой условилась встретиться троица, выглядела так же, как и любое иное подобное приграничное заведение, заполненное едва ли не до отказа искателями удачи самых разных мастей.

Просторное и в то же время простое трехэтажное здание. На первом располагалась барная стойка, кухня за закрытыми дверьми и прикрученные к полу дубовые столы.

За ними сидела самая обычная публика. Наемники, бродячие торговцы, работники топора и ножа (разбойники), ну и всякий иной сброд. Порой попадались личности, которые лишь выглядели простыми искателями удачи, на деле же Хаджару хватало силы, чтобы разглядеть в них достаточно могущественных адептов.

Путешественники или отправившиеся в большой мир ученики боевых школ и сект. Такие тоже часто останавливались в подобных заведениях.

Из официанток на первом этаже ходили лишь самые дородные и крупные. Им ведь своим видом нужно было осаждать горячую кровь, а не разгонять ее по жилам.

Миловидные девушки и юноши (все же среди разбойников, наемников и прочего люда встречались не только представители мужского пола) из obsługi встречались только на втором этаже, где располагались приватные обеденные комнаты.

На третьем, в спальнях, их тоже можно было встретить, но только если предварительно обговорить оплату с барменом – по совместительству хозяином таверны.

– Ну и клоповник, – присвистнул Том.

Расталкивая народ плечами, ничуть не скрывая своей ауры, он подошел к столу, оккупированному пресловутыми джентльменами удачи. В добротных артефактах уровня Земли, с оружием самого разного сорта, они пили и веселились... до тех пор, пока их не потревожил Том.

– Эй, щегол, а ну... – Главварь банды, бронзовокожая брюнетка, не успела договорить.

Небесный солдат начальной стадии, она ничего не могла противопоставить давлению воли и ауры Тома.

– Если не хочешь согреть мне постель, бродяга, бери своих прихвостней и проваливай отсюда.

– Разумеется, достопочтенный адепт, – низко поклонилась главварь.

Уже спустя один удар сердца Хаджар и Том сидели не только за пустым, но еще и очищенным и вымытым столом. Главварь забрала с собой не только пятерку своих людей, но и все объедки, которые они оставили после небольшого пира.

– Мы могли остановиться на втором этаже, – заметил Хаджар.

Том подозвал официантку, дородную мадам средних лет с кормой такой ширины, что на ней могло уместиться восемь кружек пива. Как она протискивались с такими габаритами по узким проходам между столами – известно лишь Вечерним Звездам.

Убедившись в том, что работница направилась к новым посетителям, Том скептически покосился на Хаджара.

– Сейчас идет война, варвар. Так что вероятность того, что нас подслушают в толпе, куда меньше, чем в тишине второго этажа.

Хаджар в ответ на это только улыбнулся.

Он ведь уже говорил, что Том не был дураком?

– И хватит уже меня проверять, – откупорив горлянку (впрочем, кто вообще сказал, что он ее закрывал), Том тиснул с соседнего стола чарку.

– Эй! – Огромный детина двух с лишним метров роста и половины в плечах, схватился за секиру, но едва не потерял сознание от сжавшего сердце ужаса. – Д-д-досто-п-п-почтен-ный ад-д-депт.

Промямлив, он повернулся к своей притихшей компании.

Да, не стоило забывать, что для внешнего мира даже сила Тома считалась тем, с чем не просто стоит, а необходимо считаться. Рыцари духа средней стадии, на которой и пребывал Том, являлись хищниками, стоявшими на вершине пищевой цепи семи империй.

Что же касательно Повелителей и тем более Безымянных, то они редко когда оказывались в таких вот заведениях. А если и путешествовали, то исключительно из пункта А в пункт Б. При этом использовали небесный транспорт. Летающие лодки или даже целые корабли.

Простые странствующие адепты редко их встречали.

А если встречали, то порой не могли пережить этой встречи, чтобы рассказать другим.

Таверна шумела и галдела. Дородная официантка, приняв заказ у Тома с Хаджаром, “упорхнула” куда-то к барной стойке. Много компаньоны заказывать не стали – три кувшина хорошего вина, мясное рагу и чайник сладкого чая.

Еду они брали, разумеется, для Анетт.

Даже Небесный солдат мог месяцами обходиться без еды. Что же касается Хаджара, то он не сомневался, что при необходимости и достаточном доступе к Реке Мира сможет вообще до конца своих дней ничего не есть.

Пища становилась не способом подпитки организма, а источником удовольствия.

Если, конечно, не брать в расчет мясо диких зверей, находящихся на высоких уровнях развития. Но это скорее исключение, чем правило.

Так вот, галдящая, заполненная почти до отказа таверна вдруг затихла. Люди замерли в тех позах, в которых находились. Кто-то с чаркой, не донесенной до губ, кто-то с лапой на женском бедре, кто-то с хлесткой пощечиной на лице.

Посетители всех мастей и всех уровней развития не могли оторвать взгляда от входа в таверну. На пороге в охотничьем облегающем кожаном костюме стояла Анетт.

Ее высокие, крепкие, упругие груди лишь подчеркивались узость облачения, как, собственно, и осиная талия, и широкие, но не толстые бедра. Ее круглое лицо, пухлые губы и манящий взгляд синих глаз лишь добавляли образу желанности.

Кто-то, совладав с наваждением, уже начал приподниматься с места, но их тут же отрезвила аура Тома, которой тот окутал сразу всю таверну.

– А вот это ты называешь скрытностью, да? – прошипел Безродный. – Чернокожая красотка посреди границы с Ласканом. Разумеется, никто в ней не признает ведьму, принимавшую участие в битве с Дерекком Степным.

– Не все строится на одной лишь скрытности, Том. – Хаджар отодвинул стул перед Анетт.

– Эй вы! – гаркнул Том и приобнажил свой меч. – Ну, у кого глаза лишние? Кому еще надо в эту сторону смотреть?!

В ту же секунду от Тома, Анетт и Хаджара синхронно отвернулись все обитатели таверны. В том числе и официантки с непосредственным хозяином заведения.

– Здравствуй, Анетт, – поприветствовал старую знакомую Хаджар.

Девушка повернулась к нему и...

И Хаджар понял, что ему вновь придется терпеть условно “холодную” постель. Во взгляде синих глаз больше не было той искры, что прежде.

Несмотря на свободные нравы Дарнаса, в джунглях Карнака были свои, иные уклады жизни. И одного факта того, что по столице ходили слухи о весьма характерных отношениях Хаджара с принцессой Акеной, хватило, чтобы та страсть, которую Анетт питала к воину, потухла.

– Эйнен просил передать, – ровным дружеским тоном произнесла чернокожая красавица и протянула Хаджару небольшое металлическое кольцо.

Хаджар принял его. И, правды ради, попытался коснуться пальцев чернокожей ведьмы, но та отдернула руку.

Вот так вот...

Их постельному приключению, оборвавшемуся в ночи джунглей, не было суждено завершиться.

Взяв кольцо, Хаджар, определив в нем пространственный артефакт, посмотрел внутрь. Семь пилюль жидкой энергии – каждая по сорок тысяч имперских монет за штуку. Одна такая была способна полностью восстановить запас сил даже Безымянному адепту.

Еще столько же жидкой крови (как будто кровь бывала не жидкой). Целебные препараты, также способные восстановить физическое и энергетическое тела после удара техники, вплоть до уровня Императорской.

По семьдесят тысяч за штуку.

И прочий куда менее ценный набор уважающего себя и ценящего жизнь путешественника.

– И во сколько это обошлось клану Кесалия? – прокашлялся Хаджар.

– Ни во сколько, – свободно и без всякого акцента ответила Анетт. – Это передала Рекка Геран. Кстати, хотела вас предупредить...

Том с Хаджаром переглянулись и синхронно выругались.

Сервополосая мечница уже стояла позади них...

Глава 1052

– Это самый дурацкий и идиотский план, который я когда-либо слышала. – Рекка отставила в сторону чарку с терпкой брагой.

Несмотря на маленький рост и весьма скромную комплекцию, двойной агент гвардии и Тайной канцелярии пила так, что от стыда покраснели бы многие бравые выпивохи.

– Если критикуешь, предлагай, мышь полевая. – Том, явно налижавшийся своего алкоголя, с трудом ворочал языком.

За стенами таверны уже опускалось солнце, и мир окутывало прохладное покрывало зимней ночи. Люди все теснее жались друг к другу, доставали теплые накидки и запахивали полы плащей.

Зима в этом регионе приграничья была настолько суровой, что пробирала даже адептов. Любой смертный, оказавшийся в здешних краях, не пережил бы и пары минут.

Хаджара всегда занимал вопрос, почему, к примеру, в Сухашиме зимы были мягкими (сравнительно, разумеется, – смертным в разгар холодов приходилось тяжело, но они могли выжить), а здесь куда более суровыми. Но стоило проехать два-три дня к северу, и там вновь все переворачивалось с ног на голову.

При этом в Лидусе сейчас вообще была весна...

Нет, что-то с безымянным миром явно не так. Назвать это место “планетой” у Хаджара уже давно язык не поворачивался.

– Критикуешь?! – вскинулась Геран. – То есть ты считаешь нормальным предложение варвара? Отправиться в Долину Дельфи, проникнуть в Ласканский легион, выдать себя за переговорщиков, после чего под видом этих самых переговорщиков забраться в мануфактуру и вызволить оттуда принца с принцессой?

– А, то есть теперь мы спасаем не только задницу одного лишь принца, а еще и сиськи Акены?

– Ты говоришь о наследниках трона, смерд! Имей честь и совесть!

– Поверь мне, сероволосая предательница, я имею только то, что хочу иметь! И тогда, когда у меня на это дело стоит!

– Тогда, как мне кажется, тебе стоит обратиться к целителям за характерной помощью, Безродный! И я сейчас даже не о твоей импотенции говорю, а о том, что у тебя мозги набекрень.

– Еще одно слова, Геран, – пьяно рычал Том, – и я отправлю тебя к праотцам.

– А силенок-то хватит, наемник клана Кесалия? – прошипела Рекка.

Том схватился за рукоять меча, а Рекка уже положила ладони на гарды своих парных коротких клинков.

И это, стоило отметить, происходило уже восьмой раз за вечер.

– Может, хватит? – прошептал Хаджар.

Одного его взгляда хватило, чтобы Том и Рекка вернулись на свои места. И это никак не было связано с тем, что Хаджар в разы сильнее, чем они. Просто оба адепта не так уж и хотели махать друг с другом железом. Просто не могли оставить в покое своего визави.

А слова Хаджара были для них достойным поводом пойти на попятную.

– Может, хватит, – едва ли не передразнила Рекка, – предлагать какую-то абсурдную чушь. Для начала – как мы проникнем в Ласканский легион?

– Возьмем в плен нескольких легионеров, – пожал плечами Хаджар. – Все у них выпытаем. Затем заберем амуницию и медальоны. В легионе несколько миллионов воинов – замену нескольких человек они даже и не заметят. Такая операция всегда срабатывала в...

– В варварских королевствах, – перебила Рекка. – А ныне – в баронствах. Хаджар, опомнись, ты, может, все еще Безумный Генерал, но уже не на войне северных провинций. А в битве

двух самых могущественных империй из когда-либо существовавших. И если думаешь, что проникнуть в армию Ласкана будет так просто, то глубоко ошибаешься.

– Вот из-за того, что люди мыслят стереотипами, меня и называют Безумным. Мы лишь немного выйдем за рамки и...

– И каждый амулет военного легиона – что в Ласкане, что в Дарнасе – именно, – снова перебила Рекка. – Если ты заявишься с таким в Ласканский легион, тебя тут же вычислят. Да и даже если предположить, что ты сможешь как-то обмануть его магию, все же со “Святым Небом” получилось... Впрочем, неважно. За переговорщика ты себя выдать точно не сможешь.

– Даже если не смогу, то легионерская должность позволит...

– Ни демона она тебе не позволит. Легион – это не армия, собранная по первому зову. Это древний, отлаженный механизм, каждый винтик которого стоит строго на своем месте. Да они даже в увольнения ходят по строго отведенному маршруту. Легионы, Хаджар, один из столпов выживания любой империи. Ни выдать себя за легионеров, ни шататься по Ласкану с их амулетами не удастся.

Хаджар едва слышно выругался.

Сложно было это признавать, но Рекка говорила правду. И то это соотносилось с планом, который предлагала ему нейросеть.

Вот только если он предлагал самоубийственное безумие, то “металлический” нейрочип – бесчестие. А Хаджар Дархан лучше пойдет с гордо поднятой головой в огонь, чем опустится до последнего...

Еще раз опустится...

– Может, тогда предложишь свой вариант? – впервые за весь вечер подала голос Анетт.

Все это время чернокожая некромантка спокойно ела свое рагу, пила вино и не обращала внимания на происходящее. Она, как и все, кто собрался за этим столом, тоже не была глупа и прекрасно понимала, что Хаджар позвал ее с несколько иной целью.

– Предложу, – кивнула Рекка, – только он не мой, а совместно разработанный с корпусом стражей и Тайной канцелярией.

– План Шувера и Балигора Стойкого? – удивился Том. – Ну давай,мышь, не томи. Рассказывай. Мне уже не терпится узнать, что эти двое, которые даже дышать в одном помещении без свары не могут, смогли выродить на свет.

– Не выродить, безродный бродяга, а родить. Или вместе с гербом клана ты еще и образование утратил?

Настал черед девятого раза... и девятый раз Хаджар попросил двух мечников уняться.

– Итак, Геран, – протянул Хаджар, когда Том и Рекка уселись на места. – В чем заключается ваш план?

– Выкупить принца, – коротко ответила Геран.

На этот раз пришел черед подавиться уже самому Хаджару.

– Погод... погоди, – прокашлялся. Но не Хаджар, а Том – ему тоже алкоголь в другое горло попал. – Выкупить? Нет, я понимаю, если бы на территории Ласкана обитал кто-то сродни Ана’Бри, но даже ее мы отправили к праотцам лишь каким-то чудом. Или, варвар, у тебя есть еще одно такое чудо в рукаве?

– Если бы было, мы бы уже мчались к Дельфи, – ответил Хаджар.

– Вот видишь, – Том откинулся на спинку стула и махнул горлянкой в сторону Хаджара. – Чуда у нас нет. Как или на что мы выкупим принца с принцессой?

– Ну, – протянула Рекка. – “Выкуп” – немного неверное слово... мы их обменяем.

– Еще лучше... – хмыкнул Том. – На что обменяем-то? На воздух? Или на конский навоз? Просто не вижу, какой еще ресурс у нас есть в таком количестве, чтобы навалить его достаточно для обмена на наследников.

– Грязь из твоего поганого рта – вот ее достаточно, смерд...

Десятый раз...

– И все же на что мы будем их обменивать? – спросил Хаджар, когда все расселись по местам.

– Понятное дело, на что, на молодого императора Ласкана, – как что-то само собой разумеющееся пояснила Рекка. – Только он будет иметь равную стоимость нашим принцам.

За столом повисла тишина.

– То есть... ты хочешь сказать... – Том, кажется, едва ли не заикался. – М-мы, в-выкрадем императора Ласкана?

– Именно.

Том выругался. Настолько грязно, что даже Хаджар удивился.

– Нет, ну ты ее слышал, варвар? Мы выкрадем императора. Да как мы вообще это сделаем?! Нас всего четверо! А если подумать, так только один Хаджар обладает силой, достаточной, чтобы хотя бы задуматься о подобном!

– Вообще-то пятеро, – поправила Рекка.

– Пятеро? – переспросил Том.

Хаджар почувствовал нечто... Нечто, что заставило его устало вздохнуть и помассировать виски.

Проклятый Морган...

Проклятые интриги!

– Прошу прощения, что задержался, – из тени вышел завернутый в плащ адепт. – Небольшое приключение на дороге задержало меня.

– А ты еще кто такой? – вскинулся Том.

– Позволь представить. – Рекка поднялась и поприветствовала незнакомца. – Лучший следопыт во всех семи империях. Наемник, работающий только непосредственно на императорские роды. Искусный воин... куда более искусный, чем любой, – Рекка подчеркнула это слово, – из сидящих за этим столом. Свободный адепт, Крыло Ворона.

Глава 1053

– Крыло Ворона, да? – Том как-то пьяно протянул имя последователя ордена и столь же пьяно прищурился. – А маска для красоты или как?

Хаджар едва воздухом не поперхнулся.

Том, кажется, не осознавал, что перед ним стоит вовсе не обычный Повелитель средней стадии (именно таким уровнем силы на мгновение “вздохнула” аура Крыла Ворона), а некто необычайно могущественный и опасный.

Более того, Хаджар не сомневался, что из всех присутствующих в таверне лишь он один мог осознать границы силы “лучшего следопыта”.

– Это? – Крыло коснулся серебряной маски в форме вороньего клюва. Если в первый раз, когда они встретились в Черных горах Балиума, эта маска была лишь предметом украшения (возможно, артефактом), то сейчас она слово вплавилась в его лицо. – Следы ошибок прошлого.

Взгляд фанатика на мгновение встретился с глазами Хаджара. В нем сквозило ничем не прикрытое и неподдельное удивление. Будто Крыло никак не ожидал встретить здесь своего старого знакомого.

В это – в совпадение в чем-то, что касалось Моргана и его семьи, – было сложно поверить, но Хаджар почему-то поверил.

– Достопочтенные, – Крыло обратился лично к каждому из сидящих, – не имею чести знать ваших имен.

Прямо светский раут, не иначе.

– Том Безрод-ик-ный, – представился бывший аристократ.

– Очень приятно Том, Безрод-ик-ный, – поклонился Крыло.

Том повернулся к Рекке. Хаджар уже приготовился остановить очередную свару, но ее на удивление не последовало.

– Он идиот? – спросил Том.

– Единственный идиот из здесь присутствующих – это ты, смерд, – прошипела Рекка. – Это юмор такой, дурья твоя башка.

– Тупой юмор, – вынес вердикт Том и, забрав у Анетт остатки мясного рагу, налег на них с утроенным рвением.

После этого все друг другу представились. В том числе и Хаджар. Когда очередь дошла до чернокожей ведьмы, Крыло вновь продемонстрировал свою... необычность.

– Анетт из племени Шук’Арка, – представилась девушка. Причем, забывшись, сделала это на родном языке джунглей Карнака.

Крыло же, вовсе не растерявшись, ответил:

– Крыло Ворона без племени, отца и матери. Пусть вечные осветят твой путь, Анетт из племени Шук’Арка.

После этого на несколько мгновений над столом вновь повисла тишина. Ибо то, что произнес Крыло, было понятно лишь Хаджару и самой Анетт. Фанатик “Ордена Воронья” тоже говорил на языке чернокожих магов.

– Со знакомством, думаю, мы закончили. – Рекка взмахом руки вытащила из-под тучного наемника, сидевшего рядом, стул. Тут рухнул, но вовремя понял, что возмущаться не имеет смысла. – Крыло, расскажи остальным членам отряда о своем плане.

Фанатик, не отстегивая меча, сел на край стула и уже собирался что-то сказать, как его перебил Том:

– А с чего бы мы, – говорил он пьяно, слишком растягивая гласные и проглатывая согласные, – должны верить этому наемнику? Мышь сказала, что он лучший... но вот лично я никогда не слышал ни о ком с именем Крыло Ворона...

– Может, потому и не слышал, что лучший, – съязвила Рекка. – И напоминаю, что его наняла не лично я и не корпус стражей или Тайная канцелярия, а сам его императорское величество. Или ты уже императору не доверяешь, пьянь смердящая?

– Рот закрой, мышь на побегушках, – совсем уж грубо огрызнулся Том. – И вообще, я тут...

– Извини, дружище, – прошептал Хаджар, а затем резко, одним только указательным пальцем, ударил по трем точкам на шее Тома.

Тот, так и не договорив, сначала прикрыл глаза, а затем аморфной лужей растекаясь на стуле.

– Ловко, – резюмировал Крыло Ворона. – Только у клана Мертвой Луны видел что-то подобное.

– Кстати, – Хаджар, проигнорировав фанатика, повернулся к Рекке, – почему Морган не нанял... и хватит уже вздрагивать, он не услышит, как вы к нему без регалий обращаетесь.

– Я бы с этим поспорила, – возразила Рекка. – Но сейчас о другом. Так почему император не нанял кого?

– Мертвую Луну, – закончил Хаджар.

Рекка налила себе в чарку немного браги, отпила и поставила обратно на стол.

– Потому что Мертвая Луна не смогла убить даже одного несчастного адепта ступени Рыцаря духа, – пояснила она, не сводя при этом взгляда с Хаджара. Ну да, она не знала, что ударная боевая группа, посланная на Гору Ненастий, была разбита не Хаджаром, а Оруном. Хаджар даже вспоминать тот вечер не хотел... чего, собственно, никогда и не делал – не вспоминал. – Это из субъективных причин. А из объективных – они специализируются на убийствах, а не на похищениях. К тому же на территории Ласкана у них есть конкуренты в лице “Спящей Звезды”. И эти два клана убийц на дух друг друга не переносят.

– “Спящая Звезда”, – протянул Хаджар.

Кажется, как удалось им с Эйненом выяснить, именно выходцы из этого клана несколько лет назад угодили в сети интриг Моргана. Именно их руками совершилось то знаменательное “покушение”, в ходе которого Морган получил еще немного власти.

Причем весьма красивым путем. Попросту обезглавил нескольких аристократов и дворян из тех, что построптивее. Не своими руками, разумеется, а при помощи все той же “Спящей Звезды”.

– Откуда ты знаешь язык моего народа? – Анетт, кажется, вообще не заботило происхождение, так что она задала вопрос в лоб, причем на языке племен Карнака.

– Я много путешествую, знающая Слова. – Крыло Ворона при этом не поклонился, а наоборот, приподнял подбородок, что демонстрировало знание не только языка, но и обычаев. – Как и любой следопыт, я в первую очередь ценю свободу и просторы. Не сижу на одном месте.

Хаджар прокашлялся, но говорить ничего не стал.

– Ты удовлетворил свою потребность в личном мнении? – процедила Рекка. – Если да, тогда, достопочтенный Крыло Ворона, расскажите о своем плане.

Фанатик посмотрел на спящего Тома.

– О нем можете не беспокоиться, – заверила Рекка. – Ему все объяснит варвар. А если нет, вряд ли этот пьяница нам чем-то сможет помочь.

– Хорошо, раз так. – Крыло сложил руки на столе и монотонным голосом начал свой рассказ. – Император Дарнаса обратился ко мне два дня назад. За это время я успел подготовить общие черты нашей с вами компании. Для начала мы отправимся в Ласкан под видом

странствующего торговца и его охраны. Хотя император говорил, что среди нас будет слабый адепт, которого легко за такового выдать.

Все, кто сидел за столом, синхронно повернулись к спящему Тому. Тот, будто подгадав момент, очень выразительно всхрапнул и хрюкнул.

– Я научу его, как скрыть ауру вплоть до уровня смертного, – вздохнул Крыло. – Счет за обучение добавлю к уже имеющемуся... Итак, после того как мы проникнем под видом торговцев, за неделю доберемся до столицы, где как раз будет праздноваться день рождения императора. Мы как странствующие торговцы подарим ему нечто необыкновенное, что достойно лишь императора Ласкана.

– И что же мы ему подарим? – спросил Хаджар.

– Не переживай, варвар, – вместо Крыла ответила Рекка. – У императора в его сокровищнице есть ценности, от которых у тебя волосы бы поседел. Одну из таких он передал со мной.

Будь Том в сознании, обаятельно спросил бы, не поэтому ли Рекка седая, но он все так же дрых.

– Дар, по традиции Ласкана, передают из рук в руки. Так что остальное зависит от меня. Я использую артефакт Безграничного Шага и перемещусь за пределы дворца, где вы будете меня ждать. И вместе мы должны сбежать из столицы, после чего начнем переговоры об обмене.

– Иными словами, – подвел итог Хаджар. – У нас есть два неких артефакта. Один – в качестве дара. Второй – “Безграничный Шаг”, который сможет протащить тебя через все волшебные щиты, артефакты, заслоны и сдерживающие техники великих героев, которые обязательно будут на приеме. Не считая того, что императора могут подменить перед самым празднеством. Что артефакт может не справиться с нагрузкой. Что мы можем не выбраться из столицы. И... такие “можем” я сейчас могу до самого утра перечислять.

– Неужели бесстрашный варвар струсил? – Рекка настолько широко улыбнулась, что на ее щеках появились ямочки.

– Это не трусость, – покачал головой Хаджар. – Просто мой план ты назвала безумным, а его – адекватным?

– Позволь заметить, – голос фанатика был все таким же спокойным, – мой план ничуть не разумнее твоего. Но из имеющихся двух вариантов он хотя бы призрачно, но реализуем.

В этот момент Крыло Ворона втайне ото всех показал Хаджару жест следопытов:

“Охота. Позже. Воздух”.

Проклятые интриги...

– Да к демонам, – наигранно, но как можно более реалистично махнул рукой Хаджар, после чего поднял на плечо Тома и потащил его к третьему этажу. – Не я же на прием пойду с дарами, а Крыло Ворона. Так что, если ваш план не сработает, у меня останется время вернуть свой.

Что ж, в его словах даже содержалось немного правды...

Глава 1054

Хаджар достал трубку и, набив ее душистым табаком, закурил. Одетый в синие одежды, он смотрел на то, как падает с неба снег.

Кружась, тот опускался на уставшую от жары землю, укутывая ее одеялом спасительной прохлады. Позволял деревьям отдохнуть от их пышных платьев сначала из изумрудных листьев, а затем из медных и золотых.

Северный ветер, приходящий откуда-то с далеких гор, приносил с собой свежесть и ощущение чего-то нового и ясного.

Хаджар всегда любил зиму.

Любил ее суровый, строгий внешний вид. Мрамор низкого неба, “прозрачность” воздуха и легкость дыхания.

Выдохнув невнятные, мгновенно рассеявшиеся колечки дыма, он повернулся к стоящему рядом с ним адепту, завернутому в черный плащ.

– Это у вас такая орденская форма? – спросил Хаджар.

Крыло слегка одернул плащ.

– Скорее дань уважения предку, – ответил он, а затем добавил: – Ты позвал меня затем, чтобы обсуждать мой внешний вид?

– Если быть точным, то позвал меня ты, – парировал Хаджар и снова затянулся.

– У меня нет времени, чтобы играть с тобой в игры красноречия, Хаджар Дархан. – Крыло Ворона уже развернулся, чтобы вернуться обратно в таверну, как его остановил оклик Хаджара.

– Что ты здесь делаешь?

Фанатик замер, затем повернулся обратно, а после, отложив в сторону тяжелый клинок (тот мгновенно подмял под собой снег и заставил землю в прямом смысле слова треснуть), сел рядом с Хаджаром.

– Разве ты не слышал? Я нанят императором Дарнаса для похищения императора Ласкана с последующим его обменом на нечто ценное, хранящееся в Долине Дельфи.

Хаджар вместо ответа только хмыкнул и еще раз затянулся.

– И, клянусь именем нашего общего духовного предка, я крайне удивлен тем, что встретил тебя здесь, – закончил Крыло.

– Почему-то я с трудом тебе верю.

– Если честно, я не понимаю, откуда в тебе столько скепсиса по отношению к нашему ордену. – Крыло провел ладонью по маске, которая явно доставляла ему дискомфорт, но, учитывая, как срослась она с кожей, снять ее не представлялось возможным. – Разве мы хоть раз дали тебе повод усомниться в нас?

– Если не считать тех двух эпизодов, когда ваши люди пытались меня убить?

– Убить? – неподдельно удивился Крыло. – Разве убийством считается честно одержанная победа в достойном поединке? Разве члены нашего ордена пытались тебя обмануть, обхитрить, обыграть какой-то подлостью или бесчестьем? Победить в поединке – ну так все адепты сражаются. Лишь в сражениях мы живем и становимся сильнее. И обвиняя нас в этом... демоны и боги, Хаджар, так ты и целый мир можешь обвинить!

Тот промолчал. Ему попросту было нечего ответить.

Ни убийца, которая сожгла ресторан в центре Даанатана, ни Эон Мракс – никто из них действительно не пытался обмануть Хаджара. Они сражались честно и даже в чем-то достойно.

Но все же что-то в словах Крыла прогнило. И Хаджар чувствовал этот запах. Запах вони смердящих интриг. Слишком хорошо когда-то давно Южный Ветер натаскал своего ученика-принца.

– Кстати, о мире. – Хаджар вновь затянулся. На этот раз колечко дыма вышло более четким, но до уровня Неро ему все еще было как до страны бессмертных. – Каково тебе следовать за людьми, проповедующими смерть всего живого? В конце концов, Черный Генерал собирался уничтожить весь мир.

Теперь пришел черед Крыла замолчать.

Не нарушая тишины, адепт, закутанный в черное, вглядывался в белый мрамор неба зимней ночи.

– Я не силен в теологии, Хаджар, – ответил наконец он. – Можешь поговорить об этом с моим учителем. Он объяснит лучше, чем когда-либо смогу я...

– Ты уходишь от ответа.

– Потому что мой ответ прост, – пожал плечами Крыло. – Но в то же время он уязвляет мою гордость.

Хаджар удивленно изогнул бровь.

Крыло вздохнул и вновь дотронулся до серебряной маски, заменившей ему левую половину лица.

– Я следую не за Черным Генералом, а за своим учителем, – ответил Крыло Ворона. – Предупреждая твой вопрос: нашего духовного предка я чту и уважаю... Впрочем, сейчас не об этом. Если хочешь, я принесу тебе любую клятву в том, что Орден Ворона не имел никакого интереса сталкиваться здесь в моем лице с тобой. Я и помыслить не мог, что император Морган отправит и тебя в Ласкан.

Хаджар достаточно пожил на этом свете, чтобы научиться понимать, когда люди говорят ему правду, а когда нет.

Крыло говорил правду.

Он действительно был удивлен, встретив здесь Хаджара.

Что ж, хоть что-то у них имелось общее.

– А в чем интерес ордена в помощи Дарнасу?

Теперь пришел черед самого фанатика недоуменно изгибать бровь. После чего он и вовсе улыбнулся и даже засмеялся. Правда, учитывая маску и то, что он не мог полностью раскрыть из-за нее рта, смех получился несколько каркающим.

Ему такой даже шел...

– Ты действительно не понимаешь, Хаджар? – неподдельно удивился он. – Орден – древняя организация. Куда старше, чем семь империй. Она ровесник страны драконов. И как ты думаешь, такая организация, которая распространена по всему миру, всем сорока девяти регионам, будет существовать и выживать?

Хаджар едва не задал назревший вопрос, как его током пробили оброненные несколько фраз.

– погоди... что ты сказал? По всему миру и всем сорока девяти регионам?

Крыло Ворона открыл было рот, чтобы ответить, а затем осекся и улыбнулся.

– Да, разумеется, – себе под нос промямлил он. – Ты ведь учился, да и то не так долго, в Лидусе... небольшом королевстве. А в школе Святого Неба вряд ли тратил время и ресурсы на никчемные лекции по истории. Хотя вряд ли у них имеются в свободном доступе знания, которые принижают весомость власти империй...

– А можно как-то ближе к делу и без рассуждений о моем образовании и родине?

– Разумеется, – куда более спокойным тоном продолжил Крыло. – Думаю, что вправе поделиться с тобой этой информацией... Мы в данный момент находимся в регионе Белого Дракона. Соседний с нами регион Пылающего Феникса. До остальных же так долго добираться, что, не будучи бессмертным и не обладая средством передвижения хотя бы артефакта с душой, это сродни самоубийству.

– А сколько всего таких регионов?

– Сорок девять, – повторил Крыло. – Но не переживай. Регион Белого Дракона считается одним из крупнейших. Помимо него есть еще меньше десяти сравнимых по размеру.

– И все же один регион больше Дарнаса?

– В целом да. Самый маленький имеет под своим командованием как минимум две организации, по размерам не уступающие Дарнасу или Ласкану.

Хаджар попытался представить себе размеры безымянного мира.

Попытался... и не смог.

Но одно он знал наверняка.

Чем бы ни являлся безымянный мир, планетой он точно быть не мог.

– Ты сказал, Пылающего Феникса, получается...

– Им тоже управляют разумные монстры, – кивнул Крыло. – Фениксы из числа огненных.

– А бывают и другие?

– Да. На каждую стихию свой вид.

Хаджар выругался.

– И ты хочешь сказать, что...

– О, нет-нет-нет, – засмеялся Крыло. – Из всех сорока девяти регионов лишь два управляются монстрами: регион Белого Дракона и Пылающего Феникса. Еще есть около десятка, которые являются вотчинами иных, нечеловеческих рас. А все остальные находятся под командованием людей.

– И почему так слож...

– Потому что именно здесь, на территориях Пылающего Феникса и Белого Дракона, – в третий раз перебил Крыло Ворона, – где-то в глубинах эпох и свершилась битва с нашим предком. Где сражались представители всех четырех миров. Мира демонов, мира духов, мира смертных и мира богов. Именно здесь Черный Генерал пал, странствующий мудрец выковал ему цепи, а черепа всех умерших сложили в гору, которую спрятали где-то в четырех мирах, и лишь Яшмовый Император знает ее точное местоположение и путь к ней. Но увы, битва так ослабила расы людей и расы первых, что монстры смогли опередить нас в развитии и занять в этом древнем регионе главенствующие позиции.

Хаджар вспомнил слова Эрхарда.

Интересно, знал ли Последний Король, что, помимо драконов, были еще и огненные птицы?

Скорее всего – нет.

– Получается, Орден Ворона – это...

– Орден наемников, – кивнул Крыло. Видимо, нежелание дослушивать собеседника было его характерной чертой. – Мы работаем на тех, кто больше платит, выполняя поручения, за которые больше никто не берется. Нам ведь, в конце концов, надо на что-то жить. Правда, услуги ордена стоят так дорого, что, кроме императоров или глав регионов, никто больше не в состоянии их оплатить.

– И если бы Ласкан заплатил вам первым...

– То сейчас мы бы с тобой стояли по разные стороны баррикад. Так что я благодарю богов и демонов за то, что этого не случилось.

– С чего бы вдруг?

Крыл Ворона вновь “открыто”, насколько ему позволяла маска, улыбнулся.

– Так у меня появилась возможность убедить тебя присоединиться к ордену, не прибегая при этом к силе.

Глава 1055

– Я уже отвечал отказом на это предложение, Крыло Ворона, и не собираюсь менять своего мнения.

Фанатик вздохнул и, отряхнув плащ, выпрямился.

– Почему ты так упрям, Хаджар? У тебя в этом мире почти не осталось тех, кто был бы с тобой един по крови или духу. Я же предлагаю тебе присоединиться к нам, к твоим братьям и сестрам.

Поднялся и Хаджар. Он вытряхнул пепел из трубки и убрал ее обратно за пазуху.

– Ты прав, Крыло Ворона, у меня не так много близких людей, – не стал отрицать Хаджар. – Но за каждого из них я готов пойти хоть в бездну, хоть к костлявой старухе. И уверен, что любой из них поступит точно так же ради меня. Что до вашего ордена... как я могу назвать братом или сестрой того, кто хочет меня убить?

– Ты слишком серьезно относишься к смерти, – пожал плечами Крыло Ворона. – Смерть для воина – лишь конец одного пути и начало другого.

– Возможно. Но мой путь пока еще не окончен, так что я не собираюсь умирать.

– Тогда у тебя есть лишний повод вступить в наши ряды, – не отступал фанатик. – Лишь среди нас ты сможешь раскрыть полный потенциал той силы, что живет внутри тебя.

– Что-то мне подсказывает, – вздохнул Хаджар, – что чем больше я буду обращаться к этой силе, тем ближе будет момент, когда осколок души Черного Генерала полностью ее поглотит.

– Если ты окажешься слабее, то да.

Хаджар посмотрел на Крыло. Только сейчас он понял, что был выше, чем фанатик. Почти на целую голову. Надо же... раньше, особенно при первой встрече, Крыло Ворона казался ему гигантом, сравнимым с горой, подпирающей небо.

Теперь же Хаджар все отчетливее понимал, что это такой же человек, как и он сам.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Сказать? – Крыло Ворона мыском ноги подцепил многотонный тяжелый меч и поймал его на лету. Он просто схватился ладонью за рукоять исполинского клинка, весящего больше, чем вся таверна за их спинами со всеми ее посетителями, и вокруг разошлись белые волны. – Сказать я ничего не хочу, Хаджар Дархан. Хочу лишь показать.

Крыло Ворона взмахнул рукой – и вокруг них закружились черные и алые волшебные символы, в которых Хаджар опознал магические барьеры. Но они были направлены не на сдерживание силы противника и не на то, чтобы никто не смог пробиться внутрь извне.

Скорее наоборот, чтобы сила изнутри не ушла вовне.

– С последней нашей встречи ты стал намного сильнее, Хаджар Дархан, Северный Ветер, – тон Крыла Ворона из спокойного стал серьезным, а внутри глаз засияли алые угольки. – Так что я нанесу удар в три четверти силы. Используй для защиты все, что сможешь, иначе твой путь прервется прямо здесь и сейчас.

Крыло отошел на другой конец очерченной его же собственной магией квадратной арены.

Хаджар не стал ничего отвечать. Не стал отпираться или убеждать Крыло, что это лишнее, и что, как бы ни был силен его удар, это не заставит Хаджара изменить свое решение.

Действительно не заставит.

Но Крыло Ворона был прав. Пусть хоть в одном, но прав – с их последней встречи Хаджар стал сильнее.

И теперь он постепенно понимал, почему сильнейшие люди мира сего знали друг друга. Испытывали взаимное уважение и редко чувство злобы или чего-то подобного.

Потому что чем выше ты взбираешься по ступеням развития, тем меньше вокруг тебя становится идущих в ногу.

Хаджар чувствовал силу Крыла Ворона. Она была велика. Велика настолько, что тот практически затмевал собой свет Реки Мира.

И Хаджар хотел сразиться с этой силой. Сразиться, чтобы проверить собственную, чтобы вырвать победу и доказать себе, что он еще не замер, что он все еще идет вперед – по пути к своей цели.

Это испытывал каждый адепт. Каждый сильный адепт чувствовал другого сильного адепта. Их магнитами тянуло друг другу, чтобы затем сойтись в поединке.

Парадокс мира боевых искусств.

Чем сильнее ты становишься, тем меньше встречаешь равных себе людей и тем чаще ищешь более сильных противников.

– Ты готов, Северный Ветер? – спросил Крыло Ворона. – Я сдержу лишь четверть своей силы, но не думай, что это даст тебе большую фору. Отнесешься к моему удару без должного внимания и отправишься к праотцам.

Хаджар, откинув в сторону край синих одежд, Божественных доспехов, положил ладонь на рукоять меча Синего Ветра.

– Что ж, другого ответа я и не ожидал, – кивнул Крыло.

Он ударом ребра ладони скинул с тяжелого меча ножны.

Черное исполинское лезвие клинка полосой тьмы проснулось в центре мироздания. Длинной больше двух метров, шириной в четыре мужских ладони, а толщиной в три пальца. Он весил столько, что земля вокруг ног Крыла расходилась трещинами.

Но даже не это заставляло противника задуматься о том, правильно ли сделала мать, что привела его в этот жесткой и несправедливый мир. Мир, где обитают монстры, подобные Крылу Ворона.

Одновременно с тем, как вонзились в землю ножны, все вокруг почернело. Снег замер. Белый и яркий, он постепенно темнел и покрывался пятнами ночи.

Земля гудела и вибрировала. А воздух мазутом забивался в легкие.

“Истинное королевство тяжелого меча”. Одно лишь его присутствие заставило землю в пределах очерченного рунами периметра осесть на глубину колена Хаджара.

Теперь они стояли в яме с идеально прямыми углами и границами.

И все это лишь оттого, что Крыло Ворона обнажил свой меч.

Когда же он поднял его над головой, позади адепта расплескалось море тьмы. Двумя вороньими крыльями оно поднялось до самого неба и разорвало белый мрамор снежной зимы, обнажив пропасть бесконечной Вселенной.

Сам же адепт, вокруг которого раскрылись два крыла, стал их клювом и когтями.

Хаджар чувствовал, как внутри этой тьмы плещется воля Крыла Ворона. Его воля была крепка и сильна. Так же как и у Хаджара. Она сливалась с энергией и мистериями Крыла Ворона, делая его лишь сильнее и могущественнее.

А затем, когда адепт опустил свой меч в рубящем ударе, на голову Хаджару будто обрушился целый мир, созданный из тьмы и меча.

Не узнать этот удар было невозможно.

Такой же Хаджар видел на изображении, где художник запечатлел портрет Черного Генерала.

Что же...

Крыло Ворона думал, что сражается с Хаджаром... но Хаджар бился в данный момент с первым из Дарханов. С тем, чье наследие жило внутри его души. И если Хаджар не станет сильнее, чем это наследие, если не создаст техники, которая затмит меч Черного Генерала, то умрет.

Умрет, и его цель никогда не будет достигнута.
Черный Генерал не смог победить Яшмового Императора.
Значит, он не был той целью, к которой стремился Хаджар.
Хаджар пойдет дальше. Дальше, чем любой из тех, кто был прежде. Дальше, чем величайший мечник всех времен и народов. И первый свой шаг он сделает именно сегодня.
С этими мыслями Хаджар обнажил клинок.

* * *

Шум в таверне смолк.
Каждый из присутствующих вдруг почувствовал, как к его горлу прикоснулся холодный клинок.
Будто сама смерть схватила их души и размышляет, отправить их к праотцам или нет.
– Ч-что... эт-то?
Ответом вопрошающим был лишь жуткий грохот, принесенный с горных вершин северным ветром.

Глава 1056

Крыло Ворона смотрел прямо перед собой. Его удар, который был способен отправить к праотцам большинство Безымянных, не встретил ровно никакого сопротивления.

Земля, и без того ушедшая на глубину в сорок сантиметров, теперь была изуродована жуткой полосой чернеющего шрама. Удар оказался настолько сильным, что не только разрубил земную твердь на глубину в полкилометра, но и...

В общем, хватало одного только вида того, как на краях страшной раны исчезали в черном пепле кусочки породы. Но они не сторали и не плавилась, а именно испарялись.

Эхо силы техники Крыла Ворона оказалось настолько могущественным, что заставляло камешки, пусть и размером с женский ноготь, разлагаться на атомы.

Вот только ни тела, ни крови, ничего, что свидетельствовало бы о том, что Хаджар Дархан не смог защититься. Как, собственно, и обратного.

Все так же в медленном танце кружились по краям импровизированной арены волшебные руны и иероглифы. Слегка мерцая, они вспыхивали каждый раз, когда на них падали снежинки.

Сверкнув всеми цветами радуги, кристаллики льда исчезали во вспышках магии.

– Ты не понимаешь, так ведь? – прозвучал спокойный и в чем-то даже уставший голос.

Крыло Ворона поднял взгляд. Не увидев никого, кому мог бы принадлежать знакомый голос, он посмотрел еще выше.

На крыше таверны, скрестив руки на груди, стоял высокий статный мужчина. Позади него развевались синие одежды, а в ножнах слегка покачивался прямой, длинный клинок.

– Но как... – Крыло не мог поверить своим глазам.

Заклинание, которое он использовал, должно было полностью блокировать любую энергию, выходящую за его пределы. Вплоть до уровня Безымянного.

Это являлось способом вести открытый бой в тесных городских условиях, не привлекая при этом лишнего внимания, но в большей степени компенсировало недостатки тяжелого меча.

Да, разумеется, тяжелый меч был куда смертоноснее “младших” собратьев. Один удар его весил десятки тонн и мог сломить практически любую защиту.

Но проблема заключалась в том, что такой меч был слишком медлителен. А техники, которые с ним можно использовать, слишком долго готовились. Можно, конечно, применять их быстрее, но в таком случае они превращались в обоюдоострый меч и могли с одинаковым успехом отправить к праотцам самого владельца тяжелого орудия.

Так что подобная “ловушка” из заклинаний компенсировала недостаток скорости владельца тяжелого клинка. Да, разумеется, ее можно было пробить, но в таком случае “умника” догнал бы удар, который в своей титанической силе не встретил бы ровно никакого сопротивления.

Но вот так...

Крыло не почувствовал, чтобы ловушку кто-то разбил, в ней не было ни бреши, ни укола. Казалось, Хаджар Дархан, подтверждая свое имя, как самый настоящий ветер, попросту исчез в одном месте и появился в другом.

– Это техника уклонения, – прошептал Крыло, – очень сильная, могущественная техника уклонения. Не знаю, где ты ее получил, но...

– Но это неважно. – На этот раз пришел черед Хаджара перебить фанатика ордена Ворона. – Я просто хотел показать тебе, что если ваша шайка как-то себя со мной ассоциирует, то я – нет. Вы идете своим путем, я своим. И эти пути могут пересечься только в битве, но идти параллельно или слиться в один – никогда.

– И...

– И ты называл себя воином, – продолжил Хаджар, – говорил о том, что для воина смерть – лишь очередной путь. И ты прав. Мы, – Хаджар специально сделал ударение на этом слове, – воины, действительно так видим эту жизнь и эту смерть. Но любой воин прекрасно знает, что лишь в одной битве нельзя одержать победу...

Крыло промолчал, а затем спросил:

– И в какой же?

– Которой никогда не было, – пожал плечами Хаджар, после чего исчез, чтобы появиться у входа в таверну. Уже давно он не спал на теплой и мягкой постели, так что не собирался отказывать себе в этом удовольствии.

Крыло Ворона остался один посреди провала расщепленной надвое каменной ямы. Дул северный ветер, принося с собой пронизывающий холод царицы-зимы.

Поднималась метель, превращая пушистый, мягкий снегопад в ливень из острых, как иглы, ледяных осколков зарастающего после удара Крыла белого мрамора неба.

Взмахнув рукой, адепт заставил исчезнуть хоровод волшебных символов, а затем вторым взмахом скрыл провал площадки ковром из снежной массы.

– Ты действительно стал сильнее, Хаджар Дархан, – повторил Крыло, после чего, убрав меч в ножны, запахнул полы плаща и направился обратно в таверну.

Ему следовало написать послание учителю...

* * *

– То есть мы едем прямо в столицу Ласкана? – Том, покачиваясь на козлах дилижанса, выглядел потрепанным и заспанным.

Собственно, как и любой другой нормальный человек, очнувшийся после тяжелой попойки. Что он там такое возил в своей фляге, для всех оставалось загадкой, но ясно было одно – пробирала она крепко.

– Именно так, – кивнул сидящий рядом Хаджар.

Как только рассвело, они покинули таверну, добрались до ближайшего поселка, где купили за весьма приличную (по местным меркам) цену дилижанс, загрузили его различным торговым хабаром и отправились в путь.

Чтобы добраться отсюда до столицы Ласкана, им придется проделать немалый путь, так что решено было все же запрячь “телегу” четырьмя кровавыми мустангами. На таком же, собственно, ехал впереди и Крыло Ворона.

В черных одеяниях, с развевающимся позади плащом, в серебряной маске и верхом на алом могучем скакуне он выглядел как какой-то герой, сошедший со строк эпической баллады менестреля.

– Что, вот прямо так внаглую, – не унимался Том, – прямо в Сатию? На прием по случаю дня рождения императора? С подарком?!

– Проклятье! Демоны и боги! – Рекка, отодвинув штору, загораживающую козлы от внутреннего пространства дилижанса, потянулась дать подзатыльник Тому, но тот вовремя приобнажил свой меч. – Именно туда! Именно на день рождения императора! И если тебя что-то не устраивает, можешь поменяться с Крылом местами и скакать обратно в Даанатан, под юбку своей сестрицы!

Насколько это было возможно, над полуразбитым торговым трактом (видимо, проблема дорог в приграничье касалась не только Дарнаса, но и Ласкана) повисла тишина.

– Ах да, прости, пожалуйста, – в голосе Рекки звучало столько яда, что только идиот бы не понял, в насколько малой степени она в действительности испытывала угрызения совести. – Она же теперь тебе не сестра. Том Безродный...

Захлопнув шторы, Рекка, судя по звукам, уселась обратно на тюки и погрузилась в медитацию.

Хаджар уже приготовился схватить Тома за одежды и не позволить ему броситься с мечом внутрь повозки, но тот застыл на месте. Затем слегка дрожащей рукой откупорил многотрадальную горлянку и поднес ко рту, но... так и не сделал последнего движения.

Ни одной капли не упало на его губы, как он закупорил “бутыль” и, повесив ее на пояс, обратил взгляд пустых глаз куда-то в сторону Сатии – столицы Ласкана.

– Она уже должна была родить, – прошептал он.

Хаджар ничего не сказал. Он понимал, что чувствовал Том. В конечном счете у него тоже со дня на день должен был появиться племянник...

– Скажи мне, Хаджар, как много пройдет времени до того, как я перестану чувствовать родство с Анис и ее ребенком?

– У всех по-разному. От года до десяти.

– От года до десяти... – повторил Том. – Что ж, значит, пить мне еще долго...

И только после этого, сбив ребром ладони пробку, он вновь начал заливать в себя алкоголь.

Глава 1057

После двух дней безудержной скачки даже кровавым мустангам, лучшим наземным скакунам, требовался отдых. Так что отряд... или в данном случае торговая компания съехала с тракта и остановилась на привал около широкого ручья.

Хаджар, как и Крыло, тут же ощутил присутствие в ручье младшего духа. Существа, рожденного непосредственно природой и Рекой Мира.

И, будь они оба послабее, младший дух точно выбрался бы в реальность, чтобы продемонстрировать свое почтение потомкам Черного Генерала. Правда, сделал бы он это исключительно в свойственной духам манере – попытался бы убить их обоих.

Но поскольку дух ощущал силу Крыла и Хаджара, которая была куда больше, чем его собственная, то пытался не подавать вида.

– Тебе не нужен камень силы? – удивился Крыло.

Они стояли плечом к плечу и смотрели на широкий ручей. В мире Земли его бы назвали полноводной рекой, но здесь – не более чем ручьем.

– Нет, – честно ответил Хаджар.

Его трофейное, доставшееся от Мертвой Луны пространственное кольцо было под завязку забито кристаллами крови далекого предка, которого он встретил на руднике Сухашима. Из них получились бы камни силы куда более высокого качества, нежели из эссенции младшего духа.

Крыло хмыкнул.

– Впервые встречаю адепта, которому не нужны камни силы, – сказал он. – За них порой вырезают целые семьи... Встретить младшего духа в этом захолустье большая редкость. А пока наши компаньоны разбивают лагерь, мы бы успели поохотиться на него.

Ручей, будто услышав слова Крыла (хотя, скорее всего, так оно на самом деле и было), ускорил течение своих вод. Поднялись небольшие волны, на гребнях которых заблестели белые барашки.

– Если мы уьем этого духа, то ручей рано или поздно обмельчает.

– Тебя это так сильно волнует? – спросил Крыло.

Хаджар повернулся направо. Там слегка шатающийся от алкоголя Том мыл в ручье коней. Животным не нравилась близость нетрезвого человека, и они фырчали, брыкались, но куда им совладать с силой Рыцаря духа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.